

БХАГАВАДГИТА

Annotation

Религиозно-философская поэма «Бхагавадгита», входящая в состав великого древнеиндийского эпоса «Махабхарата», переведена В.С.Семенцовым с учетом интерпретаций крупнейших комментаторов и исследователей. Статьи, сопровождающие перевод, намечают новый подход к истолкованию памятника, опирающийся на изучение его функционирования внутри самой культуры.

Бхагавадгита

Перевод с санскрита, исследование и примечания: В.С. Семенцов

Глава 1

Дхритараштра сказал:
1. Что свершали — скажи, Санджая, —
сыновья мои и Пандавы,
ради битвы сойдясь на поле
Курукшетры, на поле дхармы?

Санджая сказал:
2. Пред собою тогда увидев
строй Пандавов, к бою готовых,
царь к учителю шаг направил,
ему слово Дурьодхана молвил:

3. «Посмотри, учитель, на это
сынов Панду мощное войско!
Ученик твой, потомок Друпады,
его к битве построил искусно.

4. Эти лучники, эти герои
не уступят Арджуне с Бхимой:
здесь Вирата и Ююдхана,
колесничий великий Друпада,

5. Дхриштакету и Чекитана,
и Бенареса царь отважный,
Пуруджит, за ним Кунтибходжа,
бык средь Бхаратов — царь страны Шиби.

6. Вон стоят Юдхаманью смелый,
Уттамоджас несокрушимый,
сын Субхадры, сыны Драупади —
в колесничном бою нет им равных.

7. А вот лучшие среди наших,
знай о них, о дваждырожденный;
их назвав, я тебе перечислю
предводителей нашей рати.

8. Это ты, учитель, и Бхишма,
Карна, Крипа непобедимый,
и Викарна, и Ашваттхаман,
и прославленный сын Сомадатты.

9. И других здесь немало героев,
для меня не щадящих жизни:

они опытны в ратном деле,
всевозможным владеют оружьем.

10. Оба войска сравнив, убедишься —
нас враги превосходят в силе:
ведь у нас во главе — старый Бхишма,
а у них — ужасающий Бхима.

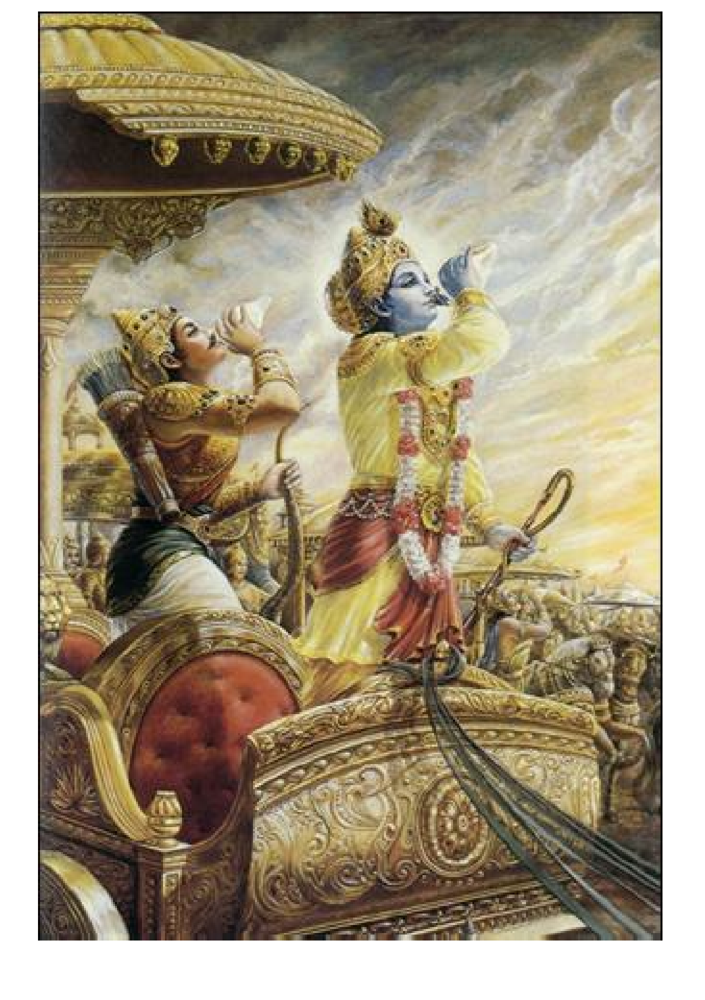
11. Пусть же каждый боец в нашей рати,
где б ему ни пришлось сражаться,
помнит прежде всего о Бхишме,
пусть он Бхишму всегда охраняет».

12. Чтоб вдохнуть ему в сердце отвагу,
львиный клич издал тогда Бхишма,
в свою раковину боевую
протрубил старейшина Куру.

13. Тотчас раковины и литавры,
барабаны, кимвалы, трубы
тишину разорвали на поле —
был их рев громогласный ужасен.

14. Со своей большой колесницы,
запряженной четверкою белой,
Панду сын и потомок Мадху
в свои раковины затрубили.

15. В Девадатту трубил Арджуна,
в Панчаджанью дивную — Кришна;
Волчье Брюхо, убийца свирепый,
дул в гигантскую шанкху Паундру.

16. Кунти праведный сын Юдхиштхира
протрубил в Анантавиджаю,
близнецы Сахадева с Накулой —
в Манипушпаку и Сугхошу.

17. Царь Бенареса, лучник отменный,
колесничий великий Шикхандин,
и Вирата, и Дхриштадьюмна,
с ними Сатьяки непобедимый,

18. И Друпада с сынами Драупади,
и Субхадры сын мощнорукий —
все они, о владыка, разом
в свои раковины затрубили.

19. Этот звук переполнил уныньем
сыновей Дхритараштры несмелых,
тяжким гулом своим, ужасный,
сотрясал он небо и землю.

20. И затем, пред собою увидев
сыновей Дхритараштры в шеренгах,
подняв лук — ибо уж начиналась
между лучниками перестрелка, —

21. Хришикеше промолвил слово
с Хануманом на знамени воин:
«Между армиями поставь
колесницу, Неколебимый.

22. Рассмотреть мне б хотелось поближе
этих воинов, жаждущих битвы;
с ними вскоре померяюсь силой
я в сраженья труде опасном.

23. Я желаю узреть Кауравов,
здесь стоящих, к бою готовых,
всех, стремящихся сделать благо
Дхритараштры зломудрому сыну».

24. О сын Бхараты! Слово такое
услыхав из уст Гудакеши,
колесницу великую Кришна
меж обеих армий поставил,

25. перед воинами и царями
под водительством Бхишмы и Дроны,
и сказал: «Посмотри же, Партха,
на собравшихся вместе Куру!»

26. И тотчас сын Притхи увидел
пред собою отцов и дедов,
также дядей, наставников, братьев,
сыновей, и друзей, и внуков,

27. и товарищей давних, и свекров,
разведенных по ратям враждебным.
Всех их рядом — весь род свой увидев,
сам себя истребить готовый,

28. потрясенный скорбью великой,
сокрушенный, сказал Арджуна:
«Когда вижу я родичей этих,
что сошлись сюда, Кришна, для битвы,

29. мои члены никнут бессильно,
рот от ужаса пересыхает,
сотрясается дрожью тело,
волоски подымаются дыбом.

30. Моя кожа горит; лук Гандиву

эти руки вот-вот уронят;
подкоситься готовы ноги,
как потерянный, ум блуждает.

31. Не провижу благого исхода,
коль убью своих родичей в битве,
отовсюду знамения злые
на меня наступают, Кешава.

32. Я не жажду победы, Кришна!
Ни богатств мне не надо, ни царства.
Что за радость нам в царстве, Говинда,
что за польза в усладах, в жизни?

33. Ведь все те, для кого нам желанны
удовольствия, царство, услады,
здесь сошлись в этих ратях враждебных,
презирая и жизнь и богатства.

34. Здесь отцы и наставники наши,
сыновья здесь стоят и деды,
дядья, внуки, шурины, свекры,
друг на друга восставшие в гневе.

35. Пусть меня убивают; но я их
не убью, о Убийца Мадху!
Над тремя мирами я власти
не желаю. К чему тогда царство?

36. Не прибудет нам радости, Кришна,
от убийства сынов Дхритараштры;
лишь грехи мы свои умножим,
поразив этих воинов гневных.

37. Потому — убивать нам не должно
ни сынов Дхритараштры, ни прочих.
Как мы сможем потом наслаждаться,
осквернив себя родичей кровью?

38. Ослепленные жадностью, эти
уж не видят, не различают
в истреблении рода — скверны
и в предательстве — преступленья.

39. Но ведь мы все то зло провидим,
что грядет от погибели рода:
разве можем мы не отвратиться

от подобного злодеянья?

40. С истреблением рода гибнут
неизменные рода законы;
если ж гибнет закон, то род весь
погружается в беззаконье.

41. С воцарением беззаконья
развращаются женщины рода;
когда женщины рода растлились,
наступает всех варн смешенье.

42. Варн смешенье приводит к аду
весь тот род и губителей рода,
ибо падают в ад их предки
без воды и без жертвенных клецек.

43. Так злодеи, рода убийцы
и виновники варн смешенья
растлевают и каст законы,
и законы вечные рода.

44. О Джанардана! Все те люди,
чьи законы рода растлились,
обретают в аду жилище —
так нас учит святое шрути.

45. Что за грех великий, о, горе,
совершить приготовились все мы!
Ведь родных мы убить готовы,
вожделея услад и царства.

46. Пусть меня, безоружного, ныне
убивают сыны Дхритараштры:
я не стану им сопротивляться —
смерть такая мне будет не в тягость».

47. Так сказав, среди битвы Арджуна
на сиденье упал колесницы,
лук отбросив и стрелы, с душою,
пораженной тяжким страданьем.

Глава 2

Санджая сказал:
1. И когда потрясенный Партха
так сидел, проливая слезы,
преисполненный состраданья, —
ему молвил Убийца Мадху.

Благой Господь сказал:
2. Что за слабость ничтожная в битве
овладела тобой, сын Притхи?
Она в рай не ведет — к позору! —
тебе, арию, не подобает.

3. Малодушию не поддавайся,
не твое это дело: ты воин!
Жалость жалкую сердцем оставив,
встань на битву, Врагов Губитель!

Арджуна сказал:
4. Разве смог бы я Бхишму и Дрону,
столь достойных и чтимых старцев,
вот из этого лука стрелою
убивать, о Убийца Мадху?

5. Лучше здесь, в этом мире, просить подаянье,
досточестных наставников не убивая;
их, к добыче стремящихся, если убью я —
этой кровью навек свою пищу измажу.

6. Поразим ли мы их, иль они поразят нас —
Тяжесть равная наши сердца сокрушает!
Вот сыны Дхритараштры стоят перед нами:
их убив, мы убьем в себе жизни желанье.

7. Состраданьем душа моя поражена,
страждет ум в ослепленье, не ведая дхармы.
Где решенье? Где благо? — меня научи же!
Ученик я твой, Кришна! К тебе припадаю.

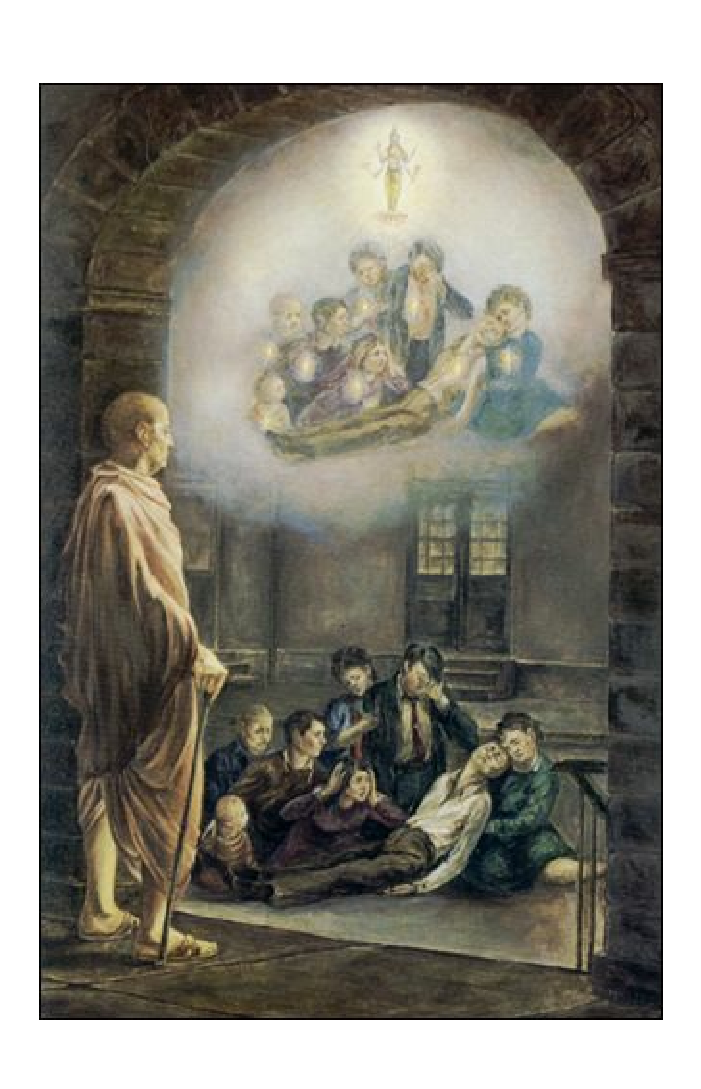
8. Ибо, пусть я достигну цветущего царства
на земле иль владычества над божествами
все равно — не смогу никогда заглушить
эту боль, что мне чувства сейчас иссушает.

Санджая сказал:

9. Это слово сказав Хришикеше,
Гудакеша, Врагов Губитель,
«Я не буду сражаться!» — промолвил
и затем погрузился в молчанье.

10. И тогда ему, на Курукшетре
так скорбящему всей душою,
Хришикеша, слегка улыбнувшись,
произнес, о сын Бхараты, слово.

Благой Господь сказал:
11. Говоришь о вещах ты мудрых,
только жалость твоя напрасна;
ни умерших, ни здесь живущих
мудрецы никогда не жалеют.

12. Разве был Я когда-то не-бывшим?
или ты? или эти владыки?
Так и в будущем все мы, Партха,
бытия своего не лишимся.

13. Словно детство, юность и старость

к воплощенному здесь приходят,
так приходит и новое тело:
мудреца этим не озадачить.

14. Лишь от внешних предметов бывают
зной и холод, страданье и радость;
но невечны они, преходящи:
равнодушен к ним будь, Арджуна.

15. Только тот ведь, кто к ним безучастен,
кто в страданье и в радости ровен,
тот бессмертья достичь способен,
тот мудрец, о мой славный витязь.

16. То, что есть, никогда не исчезнет;
что не есть — никогда не возникнет;
этих двух состояний основу
ясно видят зрящие сущность.

17. То, чем весь этот мир пронизан,
разрушенью, знай, неподвластно;
это непреходящее, Партха,

уничтожить никто не может.

18. Лишь тела эти, знай, преходящи
Воплощенного; Он же — вечен.
Не погибнет Он, неизмеримый:
потому — сражайся без страха!

19. Один мыслит Его убитым,
другой думает: «Это убийца»;
в заблужденье и тот, и этот:
не убит Он и не убивает.

20. Никогда не рождаясь, Он не умирает,
Он не тот, кто, родившись, больше не будет:
нерождаемый, вечный, древний, бессмертный,
Он при гибели тела не гибнет.

21. Тот, кто знает Его неизменным,
нерождаемым, неразрушимым, —
разве, Партха, Он убивает?
разве Он побуждает к убийству?

22. Как одежду изношенную бросая,
человек надевает другую,
так, сносив это тленное тело,
Воплощенный в иное вступает.

23. Знай, мечи Его не рассекают,
и огонь не сжигает, Партха;
не увлажняет Его вода,
Его ветер не иссушает.

24. Нерассекаемый, несожигаемый,
неувлажняемый, неиссушаемый,
неколеблем, знай, этот Вечный —
вездесущий, стойкий, нетленный.

25. Его знают невообразимым,
неколеблемым и неизменным;
потому — ты, таким Его распознав,
сокрушаться уж больше не должен.

26. Но и если Его полагаешь
вечно гибнущим, вечно рожденным —
все равно, о могучерукий,
ты не должен о Нем сокрушаться.

27. Неизбежно умрет рожденный,
неизбежно родится умерший;
если ж все это неотвратимо —
то к чему здесь твои сожаленья?

28. Не проявлено тварей начало,
не проявлено их окончанье,
они явлены лишь посредине:
так о чем же тогда сокрушаться?

29. Чудом кто-то Его увидит,
чудом кто-то другой о Нем скажет,
кто-то третий — чудом услышит;
но Его ни один не знает.

30. Когда гибнут тела, Воплощенный
ни в одном из них не умирает;
это значит: о Нем во всех существах
сожалеть ты, Арджуна, не должен.

31. Также, дхарму свою соблюдая,
ты в бою колебаться не смеешь:
помышляя о долге, сражаться —
это благо для кшатрия, Партха!

32. Когда в битву такую вступает,
исполняется радости кшатрий,
словно дверь приоткрытую рая
пред собою увидел внезапно.

33. Если ж ты эту славную битву
вопреки своей дхарме покинешь —
то, свой варновый долг и славу
погубив, лишь грехом осквернишься.

34. Твое имя хулить и бесславить
будут люди не переставая;
благородному же бесславье
отвратительней даже смерти.

35. Колесничие могут подумать,
что ты в бой не вступил, испугавшись;
те, кто прежде тебя почитали,
презирать тебя станут, Партха!

36. А враги, над тобой потешаясь,
слов обидных не пожалеют,

силу, доблесть твою ругая;
что ж больнее, скажи, чем это?

37. Победив — насладишься ты царством;
коль убьют тебя — рая достигнешь;
так не медли — скорей решайся!
Подымайся на битву, сын Кунти!

38. Уравняв с пораженьем победу,
с болью — радость, с потерей — добычу,
начинай свою битву, кшатрий!
И тогда к тебе грех не пристанет.

39. Эту мысль рассужденьем изведав,
распознай теперь в практике йоги;
этой мысли усильем, Партха,
ты разрушишь все узы кармы.

40. То, что сделано, здесь не гибнет,
здесь помех на пути не бывает;
этой дхармы даже частица
от великого страха избавит.

41. Превращенная здесь в решимость,
мысль единственна, радость Куру;
мысли ж тех, кто решимостью беден, —
нескончаемы, многоветвисты.

42. Речь иная слышна от безумцев,
похотливых, стремящихся к раю,
погруженных лишь в слово Веды,
«Больше нет ничего» — говорящих;

43. их ученье цветисто, но тщетно:
совершением многих обрядов
оно к власти стремится, к усладам,
а ведет лишь к цепи рождений.

44. Те, кто этим свой ум погубили,
к наслаждениям чувств привязавшись,
никогда не достигнут самадхи —
равновесия мысли активной.

45. На три гуны направлены Веды:
отрешись от трех гун, Арджуна!
Будь недвойствен, чужд обретенью,
полон саттвы, всегда обуздан!

46. Если людям полезен колодец,
изобильно водою текущий,
то и в Ведах не меньше пользы
для разумного брахмана, Партха.

47. Лишь на действие будь направлен,
от плода же его отвращайся;
пусть плоды тебя не увлекают,
но не будь и бездействием скован.

48. От привязанностей свободен,
в йоге стоек, свершай деянья,
уравняв неудачу с удачей:
эта ровность зовется йогой.

49. Когда мысль успокоена в йоге,
она действия все превосходит;
цель поставь пред собой — йогу мысли;
кто к плодам устремляется — жалок.

50. Равновесие мысли бесстрастной
злых и добрых деяний не знает;
устремляйся же к йоге, Арджуна!
Йога — это в деяньях искусность.

51. От плода отвратившись деяний,
в йоге мысль свою обуздавши,
разорвав цепь смертей и рождений,
мудрецы достигают покоя.

52. И когда твоя мысль осилит
заблуждений поток многоводный,
ты тогда ощутишь безразличье
ко всему, что услышишь иль слышал.

53. Равнодушную к слову Веды,
когда мысль ты свою неподвижно
установишь, Партха, в самадхи, —
это значит, ты йоги достигнешь.

Арджуна сказал:
54. Целиком погруженный в самадхи,
нерассеянный мыслью — каков он?
Стойкий в мудрости — как говорит он?
Как сидит он? Как ходит подвижник?

Благой Господь сказал:
55. Если муж себя очищает
от страстей, проникающих в сердце,
пребывая в себе, рад собою,
это значит: он в мудрости стоек.

56. Неколеблемый сердцем в страданьях,
в удовольствиях не вожделея,
кто без страсти, без гнева, без страха —
вот молчальник, чье знание стойко.

57. Отрешившийся от вожделений,
кто не радуется, не тоскует,
обретая благое иль злое, —
вот подвижник, в мудрости стойкий.

58. Кто все чувства, от их предметов
отвлекая, вовнутрь вбирает,
словно члены свои черепаха, —
вот подвижник, в мудрости стойкий.

59. От того, кто лишен ощущений,
отступают всех чувств предметы,
остается к ним жажда, но Высшее
созерцающий — жажду теряет.

60. Ибо даже у мудрого мужа,
у подвижника даже, сын Притхи,
эти бурные чувства силой
похищают нестойкое сердце.

61. Пусть сидит обуздавший чувства,
обо Мне лишь одном помышляя;
ведь кому эти чувства подвластны —
тот подвижник, в мудрости стойкий.

62. Тот бывает к предметам привязан,
кто их часто в уме вращает;
за привязанностью вожделенье
наступает, гнев порождая.

63. Гнев, возникнув, ведет к ослепленью,
ослепление — память губит,
гибель памяти — мысли гибель,
вместе с ней — человек погибает.

64. Победивший себя, свои чувства

власти атмана подчинивший,
отрешенный от гнева и страсти,
человек чистоту обретает.

65. С чистотой для него приходит
от скорбей всех освобожденье:
ведь в уме просветленном вскоре
установится мысль недвижно.

66. У того, кто не стоек в йоге,
созерцания нет, нет и мысли;
для того, кто лишен созерцанья,
гибнет мир, а за ним и радость.

67. Ибо если подвижные чувства
за собой увлекают сердце,
они мудрость его уносят,
словно лодку на озере — ветер.

68. Это значит, могучерукий,
лишь тогда будет стойкой мудрость,
когда муж свои чувства заставит
от предметов всех отвернуться.

69. Когда ночь для существ наступает —
тогда бодрствует зрящий муни;
но едва они все проснутся —
засыпает подвижник стойкий.

70. Океан полноводные реки
принимает, но сам недвижен;
тот, в кого так впадают желанья,
остается, бесстрастный, в покое.

71. Только тот, кто, отбросив желанья,
пребывает без вожделений,
без стяжаний, без самости, Партха, —
этот муж покой обретает.

72. Это — Брахмана состоянье,
кто достиг его — тот не погибнет;
пребывая в нем даже в час смерти,
входят йогины в Брахманирвану.

Глава 3

Арджуна сказал:
1. Если учишь ты, что созерцанье
все деяния превосходит,
то зачем же меня побуждаешь
к столь ужасному делу, Кешава?

2. Этим странным противоречьем
мою мысль ты, Кешава, смущаешь.
Несомненности жажду я сердцем —
в ней одной обретается благо.

Благой Господь сказал:
3. Для санкхьяиков — йога знанья,
йога действия же — для аскетов:
эти два пути к совершенству
проповеданы мною в мире.

4. Человек, отвергающий действия,
никогда не придет к недеянью:
ведь сама по себе отрешенность
к совершенству его не приводит.

5. Три природой рожденные гуны
понуждают всех тварей к деяньям.
Потому — человек ни мгновенья
в недеяньи пребыть не сможет.

6. Подчинивший лишь органы действий,
если в сердце своем продолжает
чувств объектами услаждаться, —
я его назову лицемером.

7. Если муж, обуздав сердцем чувства,
начинает затем карма-йогу,
упражняя все органы действий,
непривязанный, он — превосходен.

8. Совершай неизбежное действие,
оно лучше бездействия, Партха:
ведь и тело твое погибнет,
коль от действий ты отрешишься.

9. Кроме действий, что лишь ради жертвы,
этот мир цепью действий скован:

потому — ради жертвы действуй,
все привязанности покинув.

10. Ибо некогда тварей Владыка,
их создав вместе с жертвой, молвил:
«Ее помощью преуспевайте!
Это ваша корова желаний».

11. Жертвой боги пусть вас питают,
вы же — ею богов питайте;
так, всегда помогая друг другу,
вы достигнете Высшего Блага.

12. Ниспошлют вам желанные блага
подкрепленные жертвой боги;
тот поистине вор, кто вкушает
их дары, не даря им ответно.

13. Все грехи истребляют святые,
жертв остатки вкушая с верой,
но лишь грех поедают злые,
для себя только стряпая пищу.

14. Существа возникают от пищи,
пища вся от дождя бывает,
проливается дождь от жертвы,
жертв источник — священное действо.

15. Это действо Брахман рождает,
сам рождаясь от Вечного Слога,
потому — всюду сущий Брахман
установлен вечно на жертве.

16. Колесо это жертв и действий
если здесь человек не вращает,
он, недобрый, привязанный к чувствам,
о сын Притхи, живет напрасно.

17. Но вот муж, которому атман
все услады и радость дарует,
кто лишь атманом, Партха, доволен, —
для него неважны предписанья.

18. Для себя он не видит цели
ни в деянье, ни в недеянье;
от существ никаких в этом мире,
Партха, тот человек не зависит.

19. Совершай, же, что следует, Партха,
ни к чему никогда не привязан;
отрешенный, свершая деянья,
обретает нетленное благо.

20. Путем действия Джанака мудрый
и иные пришли к совершенству:
поступай так и ты, сын Притхи,
укрепляя миров целокупность.

21. В этом мире — что делает лучший,
совершать начинают другие:
он являет пример делами,
а они ему все подражают.

22. В трех мирах отыскать невозможно
ничего, что свершить бы Я должен,
ничего, чем бы не обладал Я, —
все же в действии Я пребываю.

23. Если б Я не вращал, Арджуна,
колесо своих дел прилежно —
по пути Моему бы тотчас
устремились повсюду люди.

24. Стоит Мне устраниться от действий —
все три мира, Партха, погибнут!
Так Я стал бы причиной смуты
и губителем этой вселенной.

25. Точно так же как муж заблудший
поступает, действием скован, —
непривязан, пусть действует мудрый,
укрепляя миров целокупность.

26. Мудрый йогин, в делах искусный,
пусть людей к делам побуждает,
пусть бездействием не смутит он
простаков — тех, кто действием связан.

27. Слеп душою, самости полный,
мнит невежда: «Я деятель действий!»
Он не знает, что действия всюду
совершают пракрити гуны.

28. Тот, кто ведает суть неслиянья

гун и действий с атманом, Партха,
пребывает свободным, помня:
«Это гуны вращаются в гунах».

29. К гунам пракрити в рабство впадают
ослепленные гун круженьем;
их, неумных, знанием бедных,
пусть мудрец никогда не смущает.

30. Только атмана мыслью зная,
на Меня возложив все деянья,
без желаний, ничем не владея,
на сраженье вставай без страха!

31. Тех, кто следует неуклонно
по пути, указанном Мною,
независтливых, полных веры,
никогда не свяжут деянья.

32. Но все те, кто, Мое ученье
осуждая, Мой путь не приемлют, —
они, к знанью всегда слепые,
погибают, знай, безвозвратно.

33. Даже знающий действует, Партха,
со своим естеством в согласье;
твари следуют все природе;
подавлять ее было б странно!

34. Но смотри: пребывают в чувствах
страсть и ненависть к их предметам;
для подвижника обе враждебны —
пусть он власти их не поддается.

35. Лучше плохо свершать свою дхарму,
чем в чужой преуспеть, Арджуна:
путь другого, Партха, опасен,
смерть принять на своем пути — благо.

Арджуна сказал:
36. Но тогда под влияньем чего же
человек в мире грех совершает?
Что за сила его толкает
прямо в грех, как бы против воли?

Благой Господь сказал:
37. Это злоба и вожделенье —

порождения гуны раджас:
ненасытна она, многогрешна.
Раджас этот — твой враг, Арджуна.

38. Словно пламя окутано дымом,
словно зеркало — пыли покровом,
как зародыш обернут последом —
в мире все вожделеньем покрыто.

39. Этим вечным врагом, сын Кунти,
знанье мудрых окутано в мире,
словно пламенем ненасытным,
вожделения облик принявшим.

40. Чувства, манас и орган мысли —
такова вожделенья опора;
ослепляет оно, Арджуна,
воплощенного, знанье окутав.

41. Потому, бык средь Бхаратов, прежде
обуздав свои бурные чувства,
сокруши затем эту скверну,
что и знанье и мудрость губит.

42. Высоки — полагают — чувства;
еще выше, чем чувства, сердце;
выше сердца находится буддхи;
еще выше стоит вожделенье.

43. Распознав то, что выше буддхи,
укрепив своим атманом атман,
порази же врага, мощнорукий,
столь упорного — вожделенье.

Глава 4

Благой Господь сказал:
1. Эту непреходящую йогу
Я в начале сказал Вивасвату,
Вивасват сообщил ееМану,
мудрый Ману поведал Икшваку.

2. Друг от друга перенимая,
ее знали цари-провидцы;
постепенно за долгое время
эта йога пришла в упадок.

3. Эту древнюю йогу сегодня
Я тебе возвестил, Арджуна.
Лишь тебе Я доверил, о бхакт Мой,
величайшую эту тайну.

Арджуна сказал:
4. Но ведь жил Вивасват много раньше
Твоего в этом мире рожденья,

как же мог Ты ему «в начале»
эту древнюю йогу поведать?

Благой Господь сказал:
5. Много раз Я являлся в мире,
много раз приходил ты к рожденью,
но рождений ты прошлых не знаешь.
Это знанье лишь мне открыто.

6. Пребывая всей твари владыкой
нерожденным, нетленным, вечным,
Я внутри Мне подвластной природы
своей майей себя рождаю.

7. Всякий раз, когда в этом мире
наступает дхармы упадок,
когда нагло порок торжествует,
Я себя порождаю, Арджуна.

8. Появляюсь Я в каждой юге,
чтоб восставить погибшую дхарму,
чтобы вновь заступиться за добрых,
чтобы вновь покарать злодеев.

9. Кто так знает истину эту
Моих дивных рождений и действий,
тот, рождений кольцо разрывая,
после смерти Меня достигнет.

10. Их немало — очищенных знаньем,
страсти, страха и гнева лишенных,
бытия Моего достигших,
Мне лишь преданных, Мною ставших.

11. Как Меня здесь чтут мои бхакты,
так и я их вознаграждаю;
ведь Моим лишь путем, о Партха,
всюду следуют эти люди.

12. Люди жертвы богам приносят,
в своем деле успеха желая:
в мире этом успех ведь быстро
вслед за жертвой приходит к людям.

13. Эти варны четыре Я создал
сообразно деяньям и гунам;
таково Мое дело — и все же

пребываю Я вечно вне действий.

14. Меня действия не пятнают:
ведь плодов я от них не жажду;
кто таким Меня видит, Партха,
тот цепями действий не скован.

15. Свои действия так совершали
мудрецы ради освобожденья;
древних муни имея примером,
совершай свои действия, Партха.

16. Что есть действие, что есть недействие?
Даже мудрые здесь в сомненье.
Я тебе возвещу знанье действий:
знаньем этим свой грех одолеешь.

17. Размышляй же о смысле действия!
Также в суть много действия вникни!
Размышляй и о смысле недействия!
Сущность действий исполнена тайны.

18. Кто недействие видит в действии,
кто в недействии действие видит —
средь людей тот поистине мудрый,
предписанья исполнивший йогин.

19. Кто без помыслов, Партха, без страсти
все свои начинанья свершает,
кто все действия сжег огнем знанья —
того мнят пробужденные мудрым.

20. Не привязан к плодам всех действий,
бесприютный, всегда довольный,
хоть он в действии пребывает,
ничего он не делает, Партха.

21. Без надежды, ничем не владея,
обуздав свое сердце и мысли,
совершая деянья лишь телом,
он от скверны всегда свободен.

22. Он случайно пришедшим доволен,
он вне двойственности, независтлив,
и в беде и в удаче ровен,
даже действуя, он не привязан.

23. Когда он не привязан, свободен,
утвердил когда мысль свою в знанье,
когда действует лишь ради жертвы —
у него прекращается карма.

24. В жертвенном акте-Брахмане
приношение — также Брахман
приносится в жертву Брахманом
на огне энергии Брахмана.
Кто созерцает действие-Брахмана,
тот достигает Брахмана.

25. Среди йогинов есть такие,
что богам лишь приносят жертву,
но другие — в пламени Брахмана
свою жертву жертвой сжигают.

26. Те аскеты всю чувств пятерицу
на огонь обузданья приносят;
эти йогины — чувств огнями
превращают предметы в пепел.

27. А другие — всех чувств проявленья,
как и действия пран в этом теле,
обузданья огнем сжигают,
разжигая его от знанья.

28. Эти в жертву приносят тапас,
те — богатство, иные — йогу;
знанье Веды и вслух повторенье —
жертва йогинов, твердых в обетах.

29. Можно жертвовать в пране апану
иль, напротив, в апане — прану:
так, дыханий пути преграждая,
пранаяму аскеты свершают.

30. Есть иные — обузданы в пище.
Они праны жертвуют в пранах.
Умудренные в таинствах жертвы,
ею грех они испепеляют.

31. Нектар жертвенной пищи вкушая,
они Брахмана все достигнут;
кто не жертвует — жизнь эту губит
и к другой жизни путь преграждает.

32. Так все многоразличные жертвы
своим ртом вечный Брахман вкушает;
знай, они рождены от действий:
этим знанием освободишься.

33. Превосходней вещественной жертвы
принесение в жертву знанья,
ибо действие все без остатка
превращается в знанье, Арджуна.

34. Это знанье познай вопрошаньем,
поклоненьем смиренным, служеньем;
те, кто знает, истину зрящие,
в знанье этом тебя наставят.

35. В этом знанье всегда пребывая,
в ослепленье ты не уклонишься,
и тогда всех существ увидишь
ты в себе и во Мне, Арджуна.

36. Даже если бы, Партха, был ты
из всех грешников наигрешнейшим,
и тогда этой знания лодкой
через грех переплыть ты сможешь.

37. Как огонь, разгоревшись, в пепел
превращает дрова, о Арджуна,
так и знанья огонь все действия
без остатка испепеляет.

38. Ведь ничто не сравнится в мире
с очищающей силой знанья;
его тот лишь в себе обретает,
кто пришел к совершенству в йоге.

39. Достигает знания йогин,
веры полный, себя обуздавший;
пребывающий в знании — скоро
запредельный покой обретает.

40. Тот, кто полон сомнений, без веры,
не имеющий знания, — гибнет;
сомневающийся теряет
и другой мир, и этот, и счастье.

41. Кто разрушил все действия йогой,
кто отсек все сомнения знаньем,

кто собой овладел всецело,
того действия больше не свяжут.

42. Потому — ты свое сомненье,
от авидьи проникшее в сердце,
отсеки мечом знанья, Арджуна,
и воспрянь, устремившись к йоге!

Глава 5

Арджуна сказал:
1. Карма-йогу ты восхваляешь,
а затем — прекращение действий.
Что же лучше из них — то иль это?
Дай ответ, уничтожив сомненье.

Благой Господь сказал:
2. Карма-йога и дел недеянье
приведут тебя к высшему благу,
карма-йога, однако, лучше
отреченья от внешних действий.

3. Называй того отрешенным,
кто лишен вожделенья и злобы;
ведь кто двойственностью не скован,
узы действий легко разрушает.

4. Лишь глупцы утверждают: путь санкхьи
от пути карма-йоги отличен.
Кто одним лишь путем стремится,
тот в конце плод обоих получит.

5. Цели, к которой приводит санкхья,
ты достигнешь и средствами йоги;
кто в них видит одно и то же,
тот поистине видит, сын Притхи.

6. Ведь без йоги ты, могучерукий,
отрешенности вряд ли достигнешь,
но, коль в йоге мудрец безупречен,
он приходит к Брахману вскоре.

7. Стойкий в йоге, очистивший сердце,
победив свою душу и чувства,
душу сливший с душой всякой твари,
даже действуя, он не связан.

8. «Не свершаю я действий» — пусть йогин,
суть познав, так всегда помышляет —
обоняя, дыша, ощущая,
испражняясь, ходя, засыпая.

9. Говоря иль хватая рукою,
видя, слыша, глазами моргая,

он во всех этих действиях видит
лишь вращение чувств в предметах.

10. Тот, кто сердцем не связан, деянья
лишь на Брахмана возлагает,
тот грехом не пятнается, Партха,
словно лотоса лист — водою.

11. Непривязанный, для очищенья
совершает все действия йогин,
напрягая свое лишь тело,
сердце, органы чувств иль мысли.

12. Йогин, действий плоды покидая,
обретает умиротворенье;
кто вне йоги — к плодам устремляясь,
вожделеньем опутан бывает.

13. Отрешившись от дел, беспечален
станет дух в граде девятивратном:
сам обузданный, дел не творит он
и к делам никого не толкает.

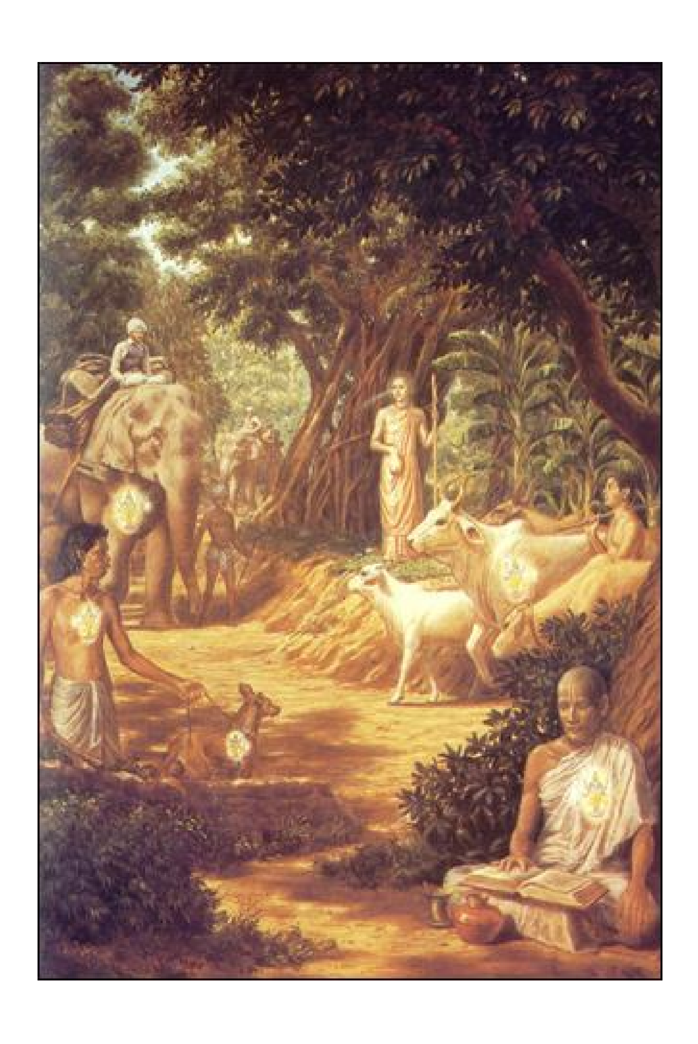
14. Не рождает Господь ни действий,
ни свершителей их, Арджуна;
не творит Он привязанность к плоду:
лишь природа в делах пребывает.

15. Властелин на себя не приемлет
ни благого, ни злого деянья;
в ослепленье бывают лишь люди,
чье незнанием знание скрыто.

16. Но кто Атмана видит, Партха,
тот незнанье свое уничтожил:
его знание, словно солнце,
это Высшее здесь освещает.

17. Утвердив на нем сердце и мысли,
всей душой лишь к нему устремившись,
тот, кто знаньем грехи уничтожил,
устремляется к невозвращенью.

18. Тот, кто знает, — не видит различий
между праведным брахманом, Партха,
и коровой, слоном, собакой
или тем, кто собаку съедает.

19. Те, кто тождества сердцем достигли,
уже здесь победили сансару;
чист ведь Брахман и самотождествен:
значит, в Брахмане их обитанье.

20. Пусть он сладостью не усладится,
пусть от горечи он не горюет;
несмущаемый, мыслью твердый,
зная Брахмана, в нем живет он.

21. Кто находит лишь в атмане радость,
не привязан к миру предметов —
тот вкушает нетленное счастье,
йогой Брахмана сердце очистив.

22. Ибо внешнего мира услады
за собою приводят страданья;
в них отрады не ищет мудрый:
ведь приходят они и уходят.

23. Еще здесь, в этом смертном теле,

кто претерпит невозмутимо
вожделенье иль злобы ярость —
счастлив тот человек, он — йогин.

24. Кто внутри обретает радость,
кто внутри видит свет и счастье —
этот Брахманом ставший йогин
достигает Брахманирваны.

25. Кто обуздан, без двойственных качеств,
кто во благе существ видит радость —
тот, лишенный греха провидец,
этой Брахманирваны достигнет.

26. Путь недолог до Брахманирваны
для аскетов, себя победивших,
для лишенных желаний и гнева,
обладающих атмана знаньем.

27. Обратившись от внешних предметов,
меж бровями свой взор уставив,
уравняв внутри носа дыханья,
что зовутся апана и прана,

28. кто без страсти, без страха, без злобы,
обуздавший мысль, чувства и сердце,
устремленный лишь к освобожденью, —
тот молчальник всегда свободен.

29. Жертв и подвигов всех вкусителя,
всех миров божество и Владыку,
кто Меня, всех существ друга, знает —
тот достигнет умиротворенья.

Глава 6

Благой Господь сказал:
1. Тот не йогин, тот не отрешенный,
кто в огонь не приносит жертву;
тот поистине йогин, кто, действие
совершая, к плодам равнодушен.

2. То, что люди зовут «отрешенность»,
это также есть йога, сын Панду:
ведь от помыслов не отрешившись,
невозможно достигнуть йоги.

3. Устремляясь к вершине йоги,
человек видит в действии средство;
но кто к ней совершил восхожденье,
недеяньем себя очищает.

4. Ведь кто к действиям не привязан,
кто к предметам чувств равнодушен,
кто от помыслов всех отрешился,
тот взошел на вершину йоги.

5. Человек только сам себе друг,
только сам себе враг бывает:
пусть себя он собою поднимет,
пусть собою себя не уронит.

6. Кто себя победил собою,
тот становится сам себе другом,
но кто сам над собою не властен —
словно враг он себя ненавидит.

7. Высший Атман в том сосредоточен,
кто себя, победив, успокоил:
в горе — радости, в холоде — зное,
также в почести и в бесчестье.

8. Кто возвышен, кто чувства осилил,
кто и знаньем и мудростью полон,
для кого равны глина и злато —
тот зовется обузданным йогин.

9. К другу кто и к врагу одинаков,
к ненавистному и к родному,
к добродетельному и к злодею —

йогин тот превосходен, сын Притхи.

10. Пребывая всегда в месте скрытном,
пусть отшельник себя упражняет,
обуздав свою душу и мысли,
без надежд, ничего не имея.

11. В чистом месте йогин, устроив
для занятий своих сиденье,
в меру низкое, сбитое крепко,
ткань постлав, траву куша и шкуру

12. и взойдя на него, пусть он йогу
практикует, себя очищая,
на одном сконцентрировав манас,
обуздав чувств и мыслей движенье.

13. Держа ровно голову, шею,
телом всем неподвижен, спокоен,
взор направив на кончик носа,
вправо, влево не озираясь,

14. страх оставив, умиротворенный,
брахмачарьи обет соблюдая,
пусть тот йогин, сердцем обуздан,
лишь на Мне пребывает мыслью.

15. Так свое победивший сердце,
постоянно себя упражняя,
достигает умиротворенья
и нирваны, во Мне пребывая.

16. Тот не йогин, кто переедает,
и не тот, кто не ест совершенно,
и не тот, кто спит свыше меры,
и не тот, кто себя сна лишает.

17. В пище, в отдыхе будь умерен,
будь умерен в свершенье действий,
в сне и в бдении — так обретешь ты
уносящую скорби йогу.

18. Когда мысли поток, обуздан,
пребывает лишь в атмане, Партха,
когда муж успокоил желанья —
он тогда именуется «йогин».

19. Когда йогин, мысль обуздавший,
сам себя укрепляет в йоге,
он подобен свече, чье пламя
не колеблется в месте без ветра.

20. Там, где мысль, упражнением в йоге
остановленная, замирает,
там, где в атмане радость находит
созерцающий атманом атман, —

21. ибо там познает он то счастье,
что сверх чувств, одной мысли доступно,
запредельное, стоя в котором
он от истины не уклонится, —

22. пребывающий там, не смутится
даже самой тяжелою скорбью:
ведь достигнув той цели, не мнит он
что-то высшее, лучшее встретить.

23. Состояние это есть йога,
что оковы скорбей размыкает.
Этой йоги стремись достигнуть!
Стань решителен, сердцем бесстрашен!

24. Совершенно в себе уничтожив
порождения помыслов, страсти,
обуздав усилием сердца
всю толпу этих чувств без остатка,

25. свое сердце на атман направив,
пусть себя он тогда успокоит
мыслью стойкой — и пусть тогда он
ни о чем другом не помышляет.

26. И куда бы в нем ни увлекался
неспокойный, подвижный манас —
пусть, его обуздав, отовсюду
под власть атмана он приводит.

27. Этот Брахманом ставший йогин,
успокоивший сердце, чистый,
страсть утишивший, скверну изгнавший,
обретает нетленную радость.

28. Так всегда себя упражняя,
этот йогин, скверны лишенный,

без помех обретает, Партха,
беспредельное в Брахмане счастье.

29. Свою душу очистивший йогой
и повсюду единое зрящий,
он себя в тварях всюду видит,
твари все он в себе созерцает.

30. Кто повсюду, всегда Меня видит,
кто во Мне весь мир созерцает —
тот Меня никогда не утратит,
не забуду и Я его, Партха.

31. Кто меня сущим в теле всех тварей
почитает, в единство поверив,
этот йогин, где бы он ни был,
лишь во Мне пребывает, Арджуна.

32. Кто лишь Атмана образ всюду
созерцает в бесчисленных тварях,
несмотря на их боль или радость, —
тот считается йогином высшим.

Арджуна сказал:
33. Проповедуя это ученье,
ты его объясняешь как ровность,
но не вижу ему я опоры:
ведь нестойко, изменчиво сердце.

34. Это сердце столь непостоянно,
столь порывисто, сильно, упрямо,
что его удержать так же трудно,
как в руке удержать быстрый ветер.

Благой Господь сказал:
35. Это правда, могучерукий,
что изменчиво сердце, нестойко;
все же знай: упражненьем, бесстрастьем
обуздать его, Партха, возможно.

36. Кто себя обуздать не в силах,
этой йогой едва ль овладеет;
но подвижник, себя победивший,
зная средства, ее достигает.

Арджуна сказал:
37. Не аскет, но богатый верой,

в йоге сердце не удержавший,
не обретший в ней совершенства —
по какому пути он шагает?

38. Иль он сгинет, как облачко в небе,
на обоих путях потерявшись,
и, утратив опору, погибнет,
не достигнув Брахмана, Кришна?

39. Без остатка, Могучерукий,
прогони Ты мое сомненье,
ибо, кроме Тебя, вопросы
разрешить мне никто не сможет.

Благой Господь сказал:
40. Не погибнет ни в здешнем он, Партха,
ни в ином, после смерти, мире;
ведь никто не приходит к дурному концу,
кто творит здесь добро, моя радость!

41. Но, достигнув миров благой кармы,
проведя там бессчетные годы,
в доме чистом и благословенном
вновь родится заблудший в йоге.

42. Или даже он в доме аскетов
возродится, обильных знаньем;
ведь такое рождение, Партха,
очень трудным считается в мире.

43. Так возникнув на свет, обладая
своей буддхи из прежнего тела,
он потрудится с большим усердьем,
чтоб теперь совершенства достигнуть.

44. Ибо прежних рождений заслуги
его мощно вперед увлекают;
ведь кто жаждет познания йоги,
слово-Брахмана тот превосходит.

45. Упражненьем упорным тот йогин,
от грехов себя всех очищая,
восходя от рожденья к рожденью,
высшей цели затем достигает.

46. Превосходит йогин аскетов,
йогин выше, чем тот, кто знает,

йогин выше, чем делатель жертвы;
устремляйся же к йоге, Арджуна!

47. Но и йогинов тот превосходит,
кто, на Мне всей своею душою
утвердившись, исполненный веры,
почитает Меня с любовью.

Глава 7

Благой Господь сказал:
1. Партха! Сердцем в Меня проникнув,
привязавшись ко Мне, свершай йогу;
Я скажу тебе, как ты познаешь
непреложно Меня и всецело.

2. Что есть знание, что — рассуждение,
Я тебе расскажу без остатка.
Зная это, ничто уж иное
познавать тебе не придется.

3. Среди тысяч людей — едва ли
к совершенству один стремится;
из стремящихся, из совершенных —
благо, если один Меня знает.

4. Земля, ветер, огонь и воды,
манас, буддхи, пространство, самость —
это, Партха, Моя природа,
разделенная восьмичастно,

5. но лишь низшая; знай же иную,
Мою высшую, Партха, природу:
это — джива, душа всех тварей,
на себе этот мир он держит.

6. Твердо помни: эта утроба
существа порождает в мире;
из Меня они все возникают
и во Мне растворяются, Партха.

7. Я — превыше всего, Дхананджая,
и ничто Меня не превосходит;
на Меня этот мир нанизан,
словно жемчуга горсть на нитку.

8. Вкус воды — это Я, о Партха,
Я — сиянье луны и солнца,
в Ведах Я — это ОМ, слог священный,
Я — в эфире звук, мужество в людях.

9. Я — в земле благой чистый запах,
Я — и пламени жгучая сила,
Я есмь жизнь во всем том, что дышит,

Я — в отшельниках сила аскезы.

10. В существах же Я — вечное семя,
ясно знай и об этом, сын Притхи,
сила разума Я — в разумных,
Я — величие великолепных.

11. Я — та сила, которая в сильных
лишена вожделенья и страсти;
а в живущих Я, знай, — вожделенье,
когда дхарме оно не противно.

12. Гуны три — саттва, раджас и тамас —
состоянье существ различают;
от Меня эти гуны возникли,
они, Партха, во Мне, но не Я в них.

13. Этот мир ослеплен различьем
состояний, от гун возникших;
он не знает, что Я, неизменный,
пребываю выше, чем гуны.

14. Состоит ведь из гун Моя майя:
одолеть ее, дивную, трудно;
но, кто ищет Меня всей душою,
тот ее позади оставляет.

15. Уподобившись темным асурам,
зло творящие, низкие люди
отыскать Меня не стремятся,
погубив свое знание майей.

16. Те, кто здесь Меня почитают, —
люди дел благих — четверовидны:
тот, кто страждет; кто жаждет пользы;
тот, кто знание ищет; кто знает.

17. Но лишь знающий всех превосходит —
постоянно обузданный бхакт Мой;
ибо Я лишь один ему дорог
и он сам Мне дорог безмерно.

18. Хоть я все они, знай, безупречны,
но лишь знающий — словно сам Я:
ведь себя обуздав, он стремится
лишь ко Мне, к высочайшей цели.

19. На исходе бессчетных рождений
тот, кто знает, Меня достигнет,
«Васудева есть все» — помышляя;
очень редок подобный махатма.

20. Но кто знанье страстями разрушил,
тот иных богов почитает:
он, своим естеством побуждаем,
совершает обряд тот иль этот.

21. Кто б из бхактов какой бы образ
почитать ни стремился с верой,
Я его наделяю верой,
к тому образу неколебимой.

22. Обладающий этой верой
ею чтить божество стремится
и дары от него обретает;
но даров тех лишь Я даритель.

23. У таких людей, разумом бедных,
жертвы плод преходящим бывает.
Кто богов чтит — к богам приходит,
Мои бхакты — Меня достигают.

24. Непроявленного — в проявленье
Меня мнят неразумные, Партха,
не постигнув, что Я запределен,
в тайной сути своей не проявлен.

25. Я не всякому глазу доступен,
своей майи действием скрытый;
неизменен Я, вечен, Партха:
мир Меня, ослепленный, не знает.

26. Всех существ Я ушедших знаю
и живущих всех знаю, Арджуна,
знаю тех, что еще возникнут;
но Меня здесь никто не знает.

27. Существа, возникая в мире,
в ослепленье впадают тотчас,
в заблужденье двойственных качеств,
отвращеньем и страстью рожденных.

28. Люди добрых, благих деяний,
чьи грехи навсегда прекратились,

став свободны от качеств двояких,
чтят Меня, соблюдая обеты.

29. Узы старости-смерти разрушить
кто стремится, ко Мне прибегнув,
тот всецело Брахмана знает,
также действие всё и адхьятму.

30. И кто знает Меня, сын Притхи,
в божествах, в существах и в жертве —
тот Меня даже в час последний
постигает, душою обуздан.

Глава 8

Арджуна сказал:
1. Что есть Брахман? Что есть Адхьятман?
Именуют что действием, Кришна?
Адхибхутой что здесь называют?
Что зовут Адхидайвой, Кешава?

2. В этом теле, о Мадхусудана,
совершается как Адхияджня?
Как Тебя познают в час ухода
те, чей атман всегда обуздан?

Благой Господь сказал:
3. Брахман — высшее, то, что нетленно;
естество свое — это Адхьятман;
всех существ бытия источник
именуется действием, Партха.

4. То, что гибнет, зовут Адхибхутой;
Адхидайва есть вечный Пуруша;
в этом теле Я есмь Адхияджня,
о прекраснейший из воплощенных.

5. Кто о Мне лишь одном помышляет
в смертный час, покидая тело,
тот в Мое бытие приходит;
в этом, Партха, не ведай сомненья.

6. Ведь о ком человек помышляет
в час кончины, с телом прощаясь,
он к тому и приходит, Партха,
побуждаемый силой мысли.

7. Потому — обо Мне постоянно
помышляя, сражайся, сын Кунти!
Погрузи в Меня мысли и сердце!
Только так ты Меня достигнешь.

8. Укреплен упражненьем в йоге,
человек, лишь о высшем Пуруше
размышляя, к Нему приходит,
ко всему, что не Он, равнодушен.

9. Мудрый Кави, провидец, мира Владыка,
солнцецветный, сверх разума образ,

тоньше тонкого Он, всех вещей Устроитель,
по ту сторону тьмы пребывает.

10. Кто лишь о Нем в смертный час помышляет,
меж бровей прану сосредоточив,
тот, обузданный силою йоги и бхакти,
всходит к дивному, Партха, Пуруше.

11. То, что Веды знаток именует Акшарой,
что аскет обретает бесстрастьем,
что достигнет, храня чистоту, брахмачарин, —
о той цели скажу тебе кратко.

12. Заперев чувств и действий двери,
заключив внутри сердце манас,
к голове направляя прану,
утвердившись в недвижности йоги,

13. ОМ — твердя слог молитвы священной,
обо Мне размышляя всечасно,
кто уходит, бросая тело, —
тот идет к высочайшей цели.

14. Обо Мне кто всегда размышляет,
ни на что не взирая иное, —
тот Меня без труда достигнет,
постоянно обузданный йогин.

15. Обретая Меня — к сансаре,
этой утлой скорбей юдоли,
не приходят больше махатмы,
совершенства предела достигнув.

16. Цепь безрадостных перерождений
протянулась до мира Брахмы,
но кончаются муки сансары
для того, кто Меня обретает.

17. Те, кто ведают, что день Брахмы
в себе тысячу юг заключает
и что ночь Брахмы столько же длится, —
они ведают суть дня и ночи.

18. Непроявленное производит
с наступленьем дня все явленья,
но едва только ночь наступит —
в непроявленном все исчезает.

19. Всех существ несметные толпы
пробуждаются к существованью,
чтоб исчезнуть, лишь ночь наступит,
чтоб возникнуть, лишь день настанет.

20. Но над всем этим есть иное
бытие, погруженное в вечность,
за пределами даже Авьякты:
оно с гибелью мира не гибнет.

21. Миру форм непричастно, вечно,
оно высшей зовется целью;
кто достиг его, не возвратится.
То Мой свет высочайший, Арджуна.

22. Достижим этот высший Пуруша
только подвигом ревностной бхакти;
всех существ он в себе заключает,
им насквозь этот мир пронизан.

23. А теперь ты узнаешь про время,
когда йогины к невозвращенью
или к новому, Партха, возврату,
покидая тела, уходят.

24. Свет, огонь, день, растущий месяц,
полугодие зимнего солнца —
вот когда, уходя, обретают
люди Брахмана, Брахмана зная.

25. Тьма, дым, ночь, убывающий месяц,
полугодие летнего солнца —
так, уйдя и луны достигнув,
возвращаются люди к рожденью.

26. Два пути эти — светлый и темный —
почитаются вечными в мире;
путь один здесь — к невозвращенью,
путь другой — к возвращенью в тело.

27. Никогда не заблудится йогин,
коль он ведает это ученье;
потому — неустанно, все время
упражняй себя в йоге, Арджуна.

28. Йогин, оба пути эти зная,

далеко позади оставляет
плод аскезы, даров и жертвы:
к высшей, вечной идет он цели.

Глава 9

Благой Господь сказал:
1. А теперь еще большую тайну
Я тебе сообщу, верный бхакт Мой;
этим знаньем и различеньем
ты очистишь себя от скверны.

2. Это вечное знанье дхармично,
средь наук и средь тайн — как владыка;
оно всех чистотой наделяет.
Ты его без труда постигнешь.

3. Вновь и вновь возвращаются люди,
на дорогу сансары и смерти;
это те, кто Меня не достигли
от неверия к этой дхарме.

4. Мною весь этот мир пронизан,
но не явлен миру Мой образ:
все живое во Мне существует,
но я, Партха, не в нем пребываю.

5. Впрочем, и не во Мне все живое:
такова Моя дивная йога.
К жизни всех вызывает Мой Атман,
Он несет их; но знай — не в них Он.

6. Вездесущий великий ветер
непрерывно веет в эфире;
так и все существа, Арджуна,
вечным вихрем во Мне кружатся.

7. К Моей пракрити вечной все твари
устремляются с гибелью мира;
когда ж новый век мира приходит,
Я их вновь из себя порождаю.

8. Я рождаю снова и снова
всех существ неисчетные толпы,
в своей пракрити их зачиная,
их, бессильных. Моею силой.

9. Но не сковывают, Дхананджая,
Меня действия узами кармы;
их свершая, Я к ним не привязан,

словно зритель — всегда безучастен.

10. Под Моим наблюденьем природа
неживое с живым рождает;
такова здесь причина, чьей силой
колесо обращается мира.

11. Такова Моя высшая сущность
всех владыки существ; но невежды
презирают Меня в смертном теле,
этой сущности вечной не зная.

12. Их надежды и действия тщетны,
тщетно знание разумом бедных;
по природе своей они лживы,
словно ракшасы или асуры.

13. Но Меня почитают махатмы,
богоравной природой сияя,
видя вечный существ источник
лишь во Мне, на иное не глядя.

14. Постоянно тверды в обетах,
те подвижники, йоги достигнув,
своей бхакти Меня почитают,
чистым сердцем хвалу воздавая.

15. Совершением жертвы знанья
почитают Меня иные
как единого, многообразно
обращенного к миру предметов.

16. Жертва — Я, Я — ее совершенье,
возглас «свадха», священная куша,
заклинание, чистое масло,
Я — огонь, Я — в него приношенье.

17. Мира этого мать и отец Я,
Я — опора его, прародитель,
тех кто знает Меня, — очищенье,
Я — слог ОМ, Я — Рик, Саман, Яджус.

18. Цель, держава, владыка, свидетель,
Я — жилище, прибежище, друг Я.
Я — рожденье, устойчивость, гибель,
Я — сокровище, вечное семя.

19. То, что жжет, — Я, и что увлажняет,
Я — преграда, и Я — излиянье,
смерть, бессмертие — Я, Я — сущее
и не-сущее также, Арджуна.

20. Знатоки трех Вед Меня молят о рае,
жертвы жертвуют, сому вкушают,
грех изгладив, в божественный шествуют мир,
там богов обретая услады.

21. Насладившись великим миром небес,
они входят в мир смертных, заслуги истратив;
так, желая желаний, дхармой трех Вед
они движимы, зная лишь плод преходящий.

22. Но всем тем, кто Меня почитают,
ни о чем ином не помышляя,
постоянно обузданным в йоге,
Я дарю плодов сохраненье.

23. Даже те, кто исполнены веры,
жертвы прочим богам приносят —

и они, смысла жертв не зная,
лишь Меня почитают, Партха.

24. Ибо всех этих жертв владыкой
и вкусителем Я пребываю;
но, не зная Моей природы,
отпадают от истины люди.

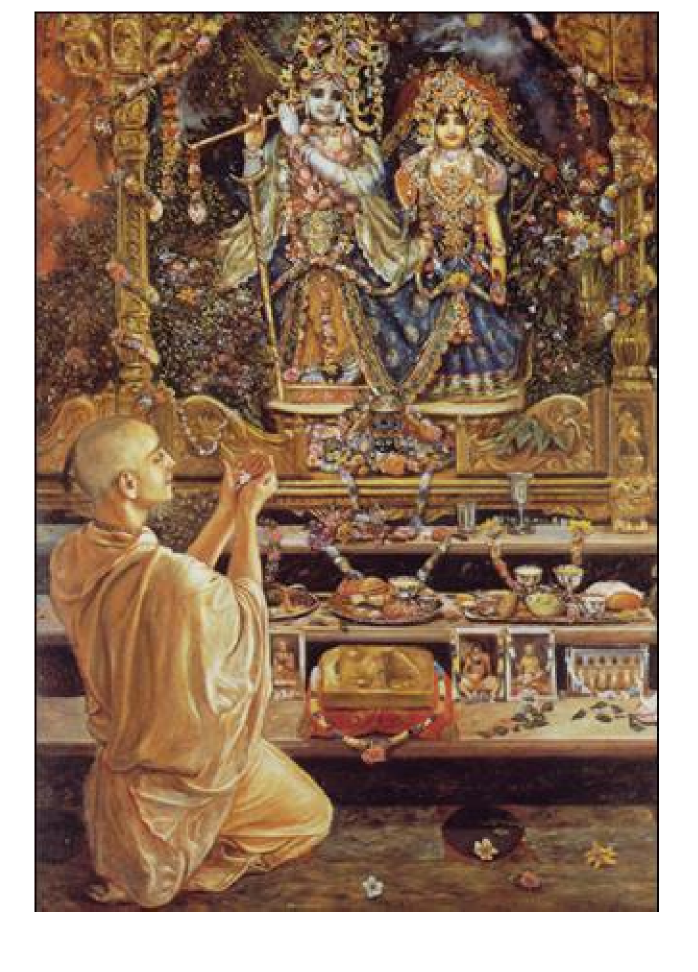
25. Духов чтущие — к духам уходят,
предкам жертвуя, Партха, — к предкам;
к божествам — кто богов почитает;
Мои бхакты — ко Мне приходят.

26. У того, кто Мне благоговейно
лист, цветок, плод иль воду приносит,
у того, кто Мне, Партха, предан,
Я вкушаю любви приношенье.

27. Если действуешь ты иль вкушаешь,
если жертвуешь, дар если даришь,
если ты совершаешь аскезу —
делай это как Мне приношенье.

28. Так разрушишь ты цепи кармы,
плоды злых — добрых дел покинешь;
отрешеньем и йогой обуздан,
став свободным, ко Мне придешь ты.

29. Я ведь ровен ко всем в этом мире:
нет любезных Мне, нет ненавистных;
те ж, кто чтят Меня благоговейно,
пребывают во Мне, и Я — в них.

30. Даже если ужаснейший грешник
Меня чтит безраздельной любовью,
то и он именуется «садху»,
ибо он рассудил безупречно.

31. Скоро будет душою он в дхарме
и достигнет умиротворенья:
бхакт ведь Мой никогда не гибнет;
твердо помни об этом, сын Кунти!

32. Порождения лон нечистых —
вайшьи, женщины, даже шудры —
все, кто с верой ко Мне припадают, —
и они к высшей движутся цели.

33. Что ж сказать Мне о брахманах чистых,
о царях-мудрецах — Моих бхактах!
Мир ведь тщетен, безрадостен; ты же
чти Меня, если в нем оказался.

34. Прилепись ко Мне сердцем, о бхакт Мой!
Жертвуй мне, лишь Меня восхваляя!
Ни на что не взирая иное,
став обуздан, со мною пребудешь.

Глава 10

Благой Господь сказал:
1. Слушай дальше, могучерукий,
от Меня высочайшее слово;
для тебя, о Мой бхакт, говорю Я,
лишь о благе твоем радея.

2. Мой источник тайный не ведом
ни богам, ни великим провидцам:
ведь во Мне и провидцы и боги
обретают свое начало.

3. Тот, кто знает, что Я — нерожденный,
безначальный мира владыка, —
он один средь людей, незаблудший,
от грехов себя всех очищает.

4. Мудрость, знание, здравый рассудок,
терпеливость, воздержанность, правда,
радость, боль, безмятежность, рожденье,
страх, бесстрашие и умиранье,

5. невреждение, покой, довольство,
щедрость, тапас, бесславие, слава —
от Меня лишь все разнообразье
состояний существ происходит.

6. Моему бытию сопричастны,
рождены Моим манасом древле
семь провидцев и четверо Ману,
а от них — существа в этом мире.

7. Кто Мои проявленья и йогу
познает сообразно их сути,
тот, в своей упражняясь йоге,
не колеблется; нет в том сомненья.

8. Всего сущего Я — источник,
все, что есть, от Меня происходит;
зная это, ко Мне устремившись,
мудрецы Меня почитают.

9. Утвердив на Мне мысль и дыханье,
обо Мне просвещая друг друга,
обо Мне говоря постоянно,

они мир обретают и радость.

10. Этих вечно обузданных бхактов,
что Меня почитают с любовью,
Я одариваю йогой мысли;
они ж ею ко Мне приходят.

11. Побуждаемый к ним состраданьем,
в глубине их существ пребывая,
светом знания Я разрушаю
от незнанья в них мрак рожденный.

Арджуна сказал:
12. Высший Брахман! Вместилище мира!
Чистоты запредельный источник!
Нерожденным Пурушей вечным,
Первобогом, дивным Владыкой

13. все провидцы Тебя именуют —
муни Нарада богоравный,
риши Вьяса, Асита Девала;
сам Ты мне это ныне поведал.

14. Все то истина — я полагаю, —
что Ты мне говоришь, Кешава;
ведь Твоих, Господин, проявлений
ни асуры, ни боги не знают.

15. Лишь своим вечным Атманом, Кришна,
сам себя Ты познать способен;
Ты — существ царь, их осуществленье,
бог богов Ты, мира Владыка!

16. Так поведай мне без остатка —
ибо сил Твоих дивны явленья, —
что за силы, которыми мир весь
Ты, пронизывая, пребываешь?

17. О Тебе размышляя всечасно,
как познать Тебя мне, о Йогин?
И в каких, Господин, состояньях
мне помыслить Тебя возможно?

18. Свою йогу, свои вибхути
вновь поведай Ты мне подробно,
ибо нектаром этих учений
не насыщен мой слух, Дхананджая.

Благой Господь сказал:
19. Хорошо! О своих вибхути
Я поведать готов, Арджуна,
лишь о главных: Моим чудесам ведь
нет предела, Врагов Губитель.

20. Всех существ Я душа, Гудакеша,
в самом сердце Я их пребываю;
Я — начало их, Я — середина,
и конец всех существ Я также.

21. Среди адитьев Я есмь Вишну,
средь светил Я — лучистое солнце,
средь марутов зовусь Маричи,
средь созвездий на небе Я — месяц.

22. Средь священных Я Вед — Самаведа,
средь великих богов Я — Индра,
у разумных существ Я — сознанье,
а средь органов чувств Я — манас.

23. Шива Я средь ужасных рудров,
Я средь ракшасов, якшей — Кубера,
очищающий Агни — средь васу,
а средь гор высочайших — Меру.

24. Средь домашних жрецов Я — главный,
знай, по имени Брихаспати,
среди всех полководцев Я — Сканда,
а из всех водоемов — море.

25. Средь великих провидцев Я — Бхригу,
средь слогов Я — слог ОМ священный,
средь молитв Я — стихов повторенье,
Гималаи — средь скал недвижных.

26. Средь деревьев Я, знай, ашваттха,
Нарада — средь божественных риши,
средь гандхарвов Я — Читраратха,
а средь сиддхов Я — муни Капила.

27. Средь коней Я, знай, Уччайшравас,
из амриты чудесно рожденный,
Айравата средь царских слонов Я,
средь людей Я — на троне владыка.

28. Средь оружий Я — страшная ваджра,
средь коров Я — корова желаний,
средь рождающих — бог любви Я,
средь ползущих на брюхе — Васуки.

29. Я — Ананта средь змеев-нагов,
среди чудищ морских — Варуна,
Арьяман — средь ушедших предков,
средь смирителей Я — бог смерти.

30. Среди демонов Я — Прахлада,
среди тех, кто считает, — время,
среди тварей Я — лев, их владыка,
среди птиц Я — великий Гаруда.

31. Чистоту средь дающих Я — ветер,
среди воинов — сын Дашаратхи,
средь подвижных Я — макара-рыба,
а среди всех потоков — Ганга.

32. У творений Я — их начало,
середина и окончанье;
среди знаний Я — самопознанье,
а в устах говорящих — слово.

33. Среди звуков Я — «а», звук краткий,
средь составленных слов Я — «двандва»,
Я поистине вечное время,
Устроитель всего всюдузрящий.

34. Я — та смерть, что уносит тварей,
Я — для будущих всех источник,
среди женских существ Я — удача,
память, речь, мудрость, стойкость, слава.

35. Средь напевов Я — брихат-саман,
гаятри среди метров стиха Я,
среди месяцев Я — маргаширша,
среди года времен — весна Я.

36. Игра в кости — среди хитрецов Я,
среди славных Я — великолепье,
Я — решимость, Я также — победа,
а у добрых — сама доброта их.

37. Среди рода вришнийцев Я — Кришна,
среди Панду сынов — Арджуна,

среди мудрых молчальников — Вьяса,
Ушанас Я — среди поэтов.

38. Среди тех, что колотит, — дубина,
у идущих к победе — хитрость,
среди тайных вещей Я — молчанье,
Я для знающих — знанье, Партха.

39. То, что семя существ растущих, —
это тоже Я, знай, Арджуна:
ни живущего, ни неживого
существа без меня не бывает.

40. Все ж конца невозможно достигнуть
Моих дивных вибхути, Партха;
этих форм все многообразье
Я назвал тебе лишь для примера.

41. Если кто-нибудь здесь полон силы,
необорной мощи иль счастья,
это все рождено в нем частицей
Моего, знай, великолепья.

42. Впрочем, в знании многообразном
пользы Я для тебя не вижу;
знай одно: этот мир пребывает
бытия Моего лишь частицей.

Глава 11

Арджуна сказал:
1. Высочайшую дивную тайну,
именуемую «адхьятман»,
Ты из милости мне поведал,
тем рассеяв мое ослепленье.

2. От Тебя ведь, о лотосоокий,
я обрел совершенное знанье
о рожденье существ и смерти,
о бессмертном Твоем величье.

3. Ты таков, о Владыка великий,
как Ты сам мне сегодня поведал.
Но теперь, Пурушоттама, дай мне
лик Твой царственный въяве увидеть.

4. Если Ты, Господин, полагаешь,
что его лицезреть я способен,
то тогда, о Владыка йоги,
покажи мне свой облик бессмертный.

Благой Господь сказал:
5. Хорошо! Так смотри же, сын Притхи,
Мои тысячевидные формы:
дивным красок многообразьем
и цветов они здесь воссияют.

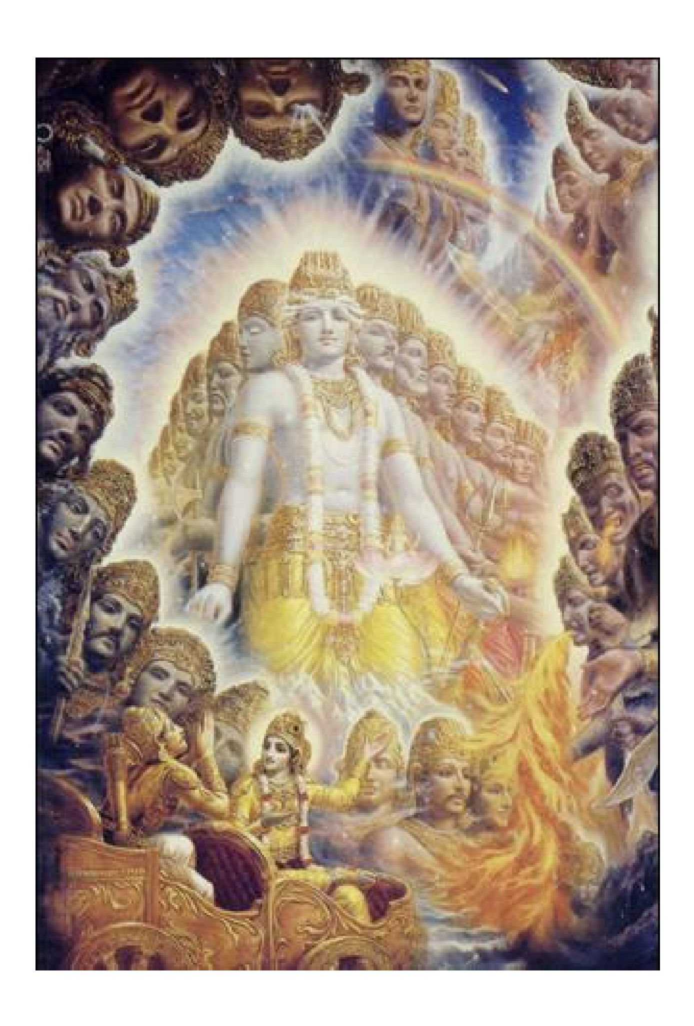
6. Посмотри! Во Мне адитьи, васу,
рудры, ашвины, также маруты,
чудеса многочудные, прежде
недоступные зрению смертных.

7. Неподвижный и движимый мир весь
в этом теле сейчас будет явлен;
все, о чем только, Партха, помыслишь,
ты во Мне лицезреть это сможешь.

8. Но своим человеческим оком
ты увидеть Меня не способен:
Я дарю тебе новое зренье
властью йоги Моей чудесной.

Санджая сказал:
9. Так сказал. А затем этот Хари,

этот йоги великий Владыка,
высочайший свой царственный облик
показал изумленному Партхе.

10. Глаз бессчетных зрачками глядел Он,
уст бессчетных губами шептал Он,
форм невиданных и украшений
и оружий бессчетность являл Он.

11. Сонмом дивных уборов сверкал Он,
ароматами благоухал Он;
беспредельный Господь всюдуликий,
бог богов, чудеса все вмещал Он.

12. Если тысячи солнц свет ужасный
в небесах запылает разом —
это будет всего лишь подобье
светозарного лика махатмы.

13. Как бы собранный вдруг воедино
целый мир, всех существ бесконечность
пред собою тогда увидел

в теле бога богов сын Панду.

14. И тогда изумленный Арджуна,
божеству поклонившись всем телом,
руки вместе сложив, промолвил,
ощущая восторга трепет:

Арджуна сказал:
15. Вижу богов я в Твоем, Боже, теле,
вижу существ разновидные толпы,
вижу на лотосе Брахму-владыку,
вижу провидцев, божественных змиев.

16. Многоутробного, и многорукого,
и многоликого, и многоглазого —
вижу Я мир весь в Тебе, Вишварупа!
Нет ни конца у Тебя, ни начала.

17. Диск с булавою подняв, о безмерный,
Ты, труднозримый, в короне сияешь,
блеск Ты, сияние, жара лавина,
ярость огня, всепалящее солнце.

18. Ты — цель познанья, Ты — вечность бессмертья,
Ты — высочайшая мира обитель!
Ты — вечной Дхармы хранитель нетленный!
Ты — вечносущий Пуруша! — так знаю.

19. Ты — без начала, конца, середины,
очи Твои — словно месяц и солнце;
ярого пламени мощью безмерной
лик Твой вселенную испепеляет.

20. Все, что ни есть меж землею и небом,
страны все света — собою Ты обнял;
видя невиданный облик Твой страшный,
в ужасе, Боже, трепещут три мира.

21. Вижу: в Тебя богов толпы вступают,
славят и кланяются исступленно.
«Слава! О, слава!» — взывают провидцы,
сиддхи Тебя без конца песнословят.

22. Рудры и адитьи, васу и садхьи,
ашвины, предки, маруты, все-боги,
тучи гандхарвов, асуров и якшей —
все на Тебя изумленно взирают.

23. Образ ужасен Твой тысячеликий,
тысячерукий, бесчисленноглазый;
страшно сверкают клыки в Твоей пасти.
Видя Тебя, все трепещет; я тоже.

24. Пасти оскалив, глазами пылая,
Ты головой упираешься в небо;
вижу Тебя — и дрожит во мне сердце,
стойкость, спокойствие прочь отлетают.

25. Словно костры ненасытного времени,
пасти Твои, Твои челюсти страшные;
жутко мне; стороны света смешались;
сжалься, о мира Владыка! Помилуй!

26. Вот они все — сыновья Дхритараштры,
Бхишма, и Дрона, и тот сын возницы,
прочих царей вереницы, героев,
и предводители воинов наших —

27. внутрь Твоей пасти, оскаленной страшно,
словно спеша, друг за другом вступают;
многие там меж клыками застряли —
головы их размозженные вижу.

28. И словно к морю бегут неустанно
реки, ручьи, иной цели не зная,
так мира смертного эти герои
к пасти чудовищной шаг устремляют.

29. Как мошкара летним вечером в спешке
лезет в огонь себе на погибель, —
так, погибая, все твари стремятся
в пасти Твои, нетерпеньем влекомы.

30. Ты их, облизывая, пожираешь
огненной пастью — весь люд этот разом.
Переполняя сияньем три мира,
Вишну! — лучи Твоей славы пылают.

31. Кто Ты? — поведай, о ликом ужасный!
Слава Тебе, высший Боже! Помилуй!
О изначальный! Изведать хочу я,
что совершить Ты намерен — скажи мне!

Благой Господь сказал:

32. Время Я — мира извечный губитель.
Весь этот люд Я решил уничтожить.
В битву ты вступишь иль битву покинешь,
воинам этим пощады не будет.

33. Так поднимайся! Добудь себе славу!
Царством, врагов перебив, наслаждайся!
Их ведь заранее всех поразил Я:
будь лишь оружьем Моим, славный лучник!

34. Дрону, и Бхишму, и Карну, сын Притхи,
и Джаядратху — бойцов превосходных —
ты не колеблясь убей, Мной убитых!
С ними сразись! Ты их всех одолеешь.

Санджая сказал:
35. Слово Кешавы услышав, Арджуна,
руки в поклоне сложив, заикаясь,
«Радуйся!» — молвил; и вновь, поклонившись,
с дрожью и робостью Кришне сказал он:

Арджуна сказал:
36. Праведно, Кришна, Тебя восхваляя,
мир этот радуется и ликует;
ракшасы прочь убегают в испуге,
толпы же сиддхов Тебя славословят.

37. Как же, Великий, Тебя им не славить?
Ты выше Брахмы — творец изначальный!
Мира обитель! Безмерный Владыка!
Ты — всё: суть, несуть, и то, что за ними.

38. Ты — первобог, изначальный Пуруша!
Мира Ты — высший оплот и обитель!
Ты — знанье, знающий, свет высочайший!
Мир пронизал ты, бесчисленноликий!

39. Ты — Ваю, Яма! Ты — Агни, Варуна!
Ты — Древний Предок! Праджапати! Месяц!
Слава! Хвала Тебе тысячекратно!
Снова и снова: Хвала Тебе! Слава!

40. Славлю, хвалю Тебя — спереди, сзади!
Слава Тебе отовсюду, Всебоже!
Ты — бесконечная сила и доблесть!
Всем обладаешь, поэтому всё — Ты!

41. Если Тебе, как приятелю, дерзко
крикнул бывало: «Эй, Кришна! Эй, друже!»,
не разумея Твоей этой славы,
если с Тобою был груб, иль небрежен,

42. или в насмешку Тебя не почтил я —
сидя, обедая иль развлекаясь,
наедине иль в присутствии многих, —
о Непомерный! Прости мне все это!

43. Ты ведь отец всех вещей и всех тварей,
этого мира великий учитель.
Нет Тебе равных — и кто ж превосходит
во всех мирах трех Тебя, Безграничный!

44. И потому — пред Тобою простершись,
я умоляю. Владыка всехвальный:
милостив будь ко мне! Другом явись мне,
или отцом, иль наперсником милым.

45. Видя сокрытое прежде — ликую,
страхом, однако, исполнено сердце;
прежний свой облик, Кришна, яви мне!
Смилуйся, Боже, вместилище мира!

46. Вновь покажи мне Себя, как и прежде —
с диском в руке, с булавою, с короной;
Образ вселенной! О тысячерукий!
Четырехрукий свой облик яви мне!

Благой Господь сказал:
47. О мой возлюбленный! Высшую форму
здесь я Тебе показал силой йоги;
прежде никто не видал Вишварупу:
свет ее, знай, изначальный, безмерный.

48. Жертвы, дары, повторение Веды,
тапас суровый, свершенье обрядов
все ж недостаточны, чтоб Меня видеть
в облике том, что тебе здесь был явлен.

49. Этот Мой образ ужасный увидев,
страх побори, не смущайся душою!
Сердцем будь радостен, облик Мой прежний
перед собою опять созерцая.

Санджая сказал:

50. Так Арджуне сказав, свой обычный
вновь явил ему Кришна облик;
став приятным на вид, Великий
перепуганного успокоил.

Арджуна сказал:
51. Человеческий этот, кроткий
увидав Твой, Джанардана, облик,
я тотчас становлюсь сам собою —
исступленье мое проходит.

Благой Господь сказал:
52. Труднозримую форму эту —
ту, которую ты здесь увидел, —
даже боги ее непрестанно
созерцать пред собою желают.

53. Но ни Ведами, ни дарами,
ни аскезой, ни жертв приношеньем
невозможно Мой облик увидеть,
тебе явленный ныне, Арджуна.

54. Только высшее благоговенье
здесь Меня обрести позволяет
в этом облике высшем, сын Притхи,
и познать, и увидеть по сути.

55. Делай всё, лишь ко Мне устремляясь!
Возлюби Меня, путы отбросив!
Отрешись от вражды ко всем тварям! —
так ко Мне ты придешь, Арджуна.

Глава 12

Арджуна сказал:
1. Кто из бхактов, себя обуздавших,
превосходней в искусстве йоги —
те, кто чтут лишь Тебя неустанно,
или чтущие, Кришна, Акшару?

Благой Господь сказал:
2. Тот, кто, сердцем в Меня проникнув,
почитает Меня, обуздан,
высочайшей исполнен веры, —
он средь йогинов всех превосходней.

3. Кто неявленную Акшару
почитает, что выше мысли,
вездесуща, возвышенна, вечна,
постоянна, непредставима —

4. тот, всех чувств толпу обуздавший,
ко всему, что вокруг, мыслью ровен,
лишь Меня, не иного, находит,
благом всех существ услаждаясь.

5. К непроявленному устремившись,
все ж он тягот больших не избегнет:
ведь с трудом воплощенный находит
цель, лишенную здесь проявленья.

6. Но кто мыслью ко Мне стремится,
на Меня возложив все деянья,
тот, кто в йоге сосредоточен,
почитает Меня созерцаньем, —

7. всех таких от смертей повторных
избавляю Я без промедленья,
тех аскетов, что неколебимо
в Меня мысль погрузили, Партха.

8. Утвердив лишь на Мне свое сердце,
пребывать во Мне мыслью старайся —
и тогда ты со временем будешь
обитать там, где Я, Гудакеша.

9. Если ж мысль ты на Мне не можешь
неколеблемо сосредоточить,

постарайся Меня достигнуть
йогой действия, Дхананджая.

10. К йоге действия коль не способен —
выполняй для Меня все деянья,
ибо ты обретешь совершенство,
поступая так Меня ради.

11. Если ж к подвигам ты не способен,
упражняясь в такой Моей йоге,
практикуй от плодов отреченье
в своих действиях, духом обуздан.

12. Ибо знание выше действий,
еще выше, знай, созерцанье,
созерцанье приводит к отказу
от плодов и к умиротворенью.

13. Этот йогин — всегда довольный,
волей твердый, себя обуздавший,
мысль и сердце в Меня погрузивший,
полюбивший Меня — Мне дорог.

14. К существам не питая злобы,
сострадателен он, приветлив,
эгоизма и самости чуждый,
в горе — радости он одинаков.

15. Дорог Мне — кто людей не терзает,
кто и сам от людей не страждет,
кто от радости, от раздраженья,
нетерпенья и страха свободен.

16. Дорог Мне этот бхакт Мой чистый,
отрешенный, лишенный боли,
многоумный, не любопытный,
оставляющий все начинанья.

17. Дорог Мне тот, кто полон бхакти,
кто не радуется, не горюет,
кто лишен вожделенья и злобы,
кто и зло и добро покидает.

18. К ненавистнику, к другу ровный,
одинаковый к чести, к бесчестью;
к горю, радости, холоду, зною
ровный, внешним ничем не связан,

19. к похвале и к хуле одинаков,
молчаливый, всегда довольный,
сердцем твердый, лишенный дома,
полный бхакти — сей муж Мне дорог.

20. О, как дороги Мне Мои бхакты —
все, к словам Моим полные веры,
этой дхармы чтущие нектар,
к высшей цели — ко Мне — устремляясь.

Глава 13

Благой Господь сказал:
1. Это тело твое, сын Кунти,
именуется поле — «кшетра»;
познающий его есть «кшетраджня» —
таково наставление мудрых.

2. Я есмь то, что во всех этих кшетрах
пребывает как их кшетраджня;
кто так знает кшетраджню и кшетру —
тот владеет, сын Бхараты, знаньем.

3. Какова эта кшетра? Откуда?
Каковы ее виды? В чем сущность?
Также кто он? И в чем его силы? —
это все расскажу тебе вкратце.

4. Многовидно веденье это
в гимнах Вед воспевали риши,
а затем его в Брахмасутрах
изложили строго и точно.

5. Непроявленное, орган мысли,
аханкара и пять элементов,
чувства, коих одно и десять,
и пять сфер — точно пастбища чувствам,

6. Страсть и ненависть, боль и радость,
также тело, сознанье и стойкость —
таковы разновидности кшетры,
если их перечислить кратко.

7. Нрав негордый и нелицемерный,
невреждение, терпенье, честность,
чистота, почитание гуру,
также твердость, себя обузданье,

8. отрешенность от внешних предметов,
в себе самости устраненье,
созерцанье умом пороков
боли, старости, родов и смерти,

9. непривязанность, неустремленность
к сыновьям, жене, дому, богатству,
постоянная ровность сознанья

в обретенье благого иль злого,

10. пребывание в уединенье,
отвращение к сборищам шумным
и всем сердцем Меня почитанье,
порожденное практикой йоги,

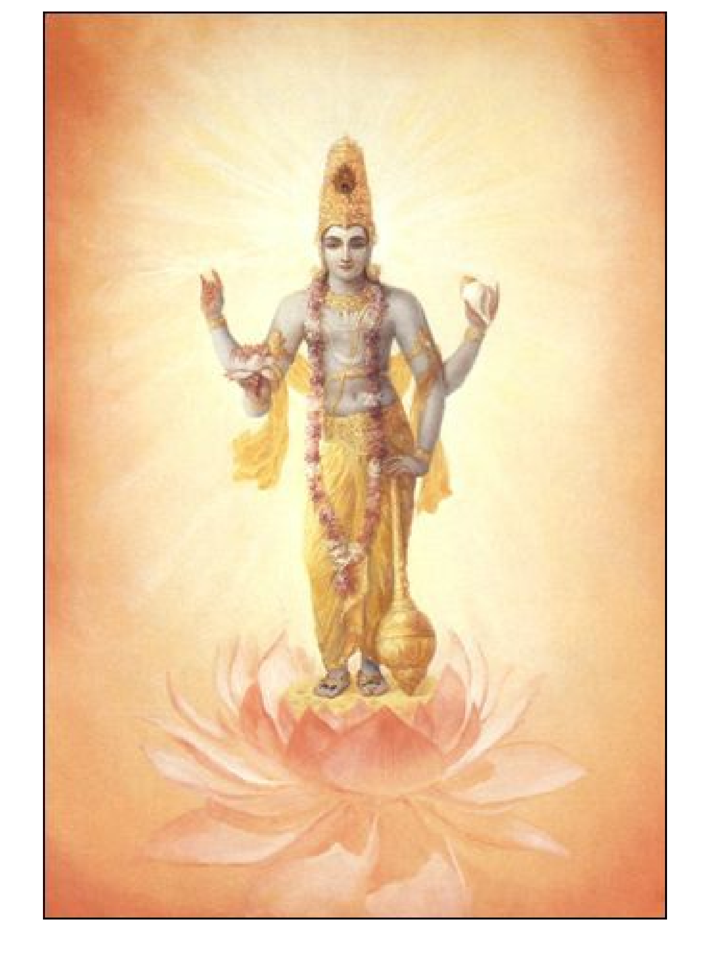
11. в знанье атмана — непрерывность,
устремленность к познанью сути —
таковы здесь приметы знанья;
а незнанье — все то, что иное.

12. Что есть знанью предел конечный?
Что познав, обретают бессмертье?
Безначальный то, знай, Высший Брахман:
превосходит Он суть и несуть.

13. Руки, ноги Его — повсюду,
всюду смотрят глаза Его, лица,
всюду слушают чуткие уши;
мир собою покрыв, стоит Он.

14. Его видишь собраньем всех качеств —
чувств и качеств, однако, лишен Он;
все несет — ни к чему не привязан,
Он вне гун — но все гуны вкушает.

15. Всех существ Он внутри и снаружи,
как бы движется Он, недвижный;
в своей тонкости непостижим Он,
запредельный, Он каждому близок.

16. Нераздельный и вечный — средь тварей
представляется Он разделенным;
всех существ этих, знай, Он опора,
поедатель и производитель.

17. Он — всех светов светящая сила,
по ту сторону тьмы пребывает;
познаваемый, знанье, цель знанья —
в сердце каждого Он расположен.

18. Так описаны Мной эта кшетра,
то, что здесь познается, и знанье;
различая все это, бхакт Мой
существа Моего достигает.

19. Ведь и пракрити, знай, и Пуруша
безначальны — и та, и этот;
измененья и качества, Партха,
от природы одной возникают.

20. Что здесь действует, что происходит,
что причиной зовут — от природы;
ощущенья же радости — боли
от Пуруши бывают, сын Притхи.

21. Ведь внутри пребывая природы,
ее гуны Пуруша вкушает;
если ж к гунам привязан — в лонах
он благих — неблагих возродится.

22. Созерцает, дела направляет,
носит всех, все вкушает — Владыка,
Высший Атман: так тоже зовется
в этом теле Высший Пуруша.

23. Кто так знает об этом Пуруше
и о пракрити с гунами вместе —
тот уж больше не переродится,
где б он ни был, в сансаре вращаясь.

24. Вот подвижник: он созерцаньем
в себе Атман видит;
вот другой — он прибег к йоге знанья,
а еще один — к йоге действий.

25. Кто не знает — тот, слыша слово
от других, вскоре к богу приходит;
тот, кто слушает шрути прилежно,
море смерти переплывает.

26. Поля-кшетры слиянье с кшетраджней
порождает существ в этом мире,
порождает растенья и камни.
Бык средь Бхаратов, ведай об этом!

27. Всюду равным внутри этих тварей
пребывает великий Владыка,
среди гибнущих Он не гибнет;
кто так видит — поистине видит.

28. Ибо, если он видит Владыку
всюду в мире одним и тем же —
Атман атманом он не унизит;
потому — высшей цели достигнет.

29. Тот, кто видит, что действия, Партха,
совершает лишь пракрити всюду,
и кто Атман лишь в недеянье
созерцает, — тот истинно видит.

Глава 14

Благой Господь сказал:
1. А теперь Я скажу тебе знанье,
что зовется средь всех высочайшим;
это знанье познавшие муни
высоту обрели совершенства.

2. Опираясь на это ученье,
Моей вечной достигнув природы,
они с гибелью мира не гибнут
и с рожденьем его не родятся.

3. Моя матка — Великий Брахман,
Я в него свое семя влагаю;
и от этого, Партха, зачатья
всех существ порожденье бывает.

4. Для всех тел, что в бесчисленных чревах
обретают, сын Кунти, рожденье,
лоном высшим бывает тот Брахман,
Я же — семя дающий родитель.

5. Возникают из пракрити разом
гуны три — саттва, раджас и тамас;
ими скован, о могучерукий,
тот бессмертный, что телом владеет.

6. Из тех трех — саттва, будучи чистой,
светоносной и полной здоровья,
все же сковывает живущих
цепью счастья и знанья, сын Притхи.

7. Состоит, знай, раджас из страсти,
вожделенье его порождает;
раджас вяжет деяний цепью
воплощенного, о безупречный.

8. Порождается тамас незнаньем,
воплощенных он всех ослепляет;
он их связывает, о сын Кунти,
беззаботностью, сном и ленью.

9. Саттва связывает со счастьем,
раджас — с действием, могучерукий,
затемняя познание, тамас

косной лени готовит путы.

10. Когда раджас и тамас слабеют —
возрастает, сын Бхараты, саттва;
когда саттва и тамас — раджас;
когда саттва и раджас — тамас.

11. Если знания свет освещает
входы-выходы этого тела —
это значит: в таком человеке
саттва крепнет — пусть он это знает.

12. Когда раджас умножен чрезмерно —
от него возникают жадность,
озабоченность, вожделенье,
суета, начинание действий.

13. В мыслях мрак, беззаботность тупая,
ослепленье, отсутствие действий —
все они возникают тотчас,
когда тамас растет, сын Куру.

14. Когда к смерти идет воплощенный,
состоящий из гуны саттва, —
он миров безгрешных достигнет
обладателей высшего знанья.

15. Тот, кто в раджасе смерть встречает,
возродится средь скованных кармой;
если ж в тамасе тело покинет —
возрождается в лонах нечистых.

16. Хорошо совершенное действие
саттвы благостный плод приносит;
плодом раджаса скорбь бывает;
плод же тамаса — заблужденье.

17. Возникает от саттвы знанье,
раджас к жадности лишь приводит,
плодом тамаса будут незнанье,
ослепление и беззаботность.

18. Чист и ясен — горе стремится,
если страстен — стоит посредине,
в сфере действия низменной гуны
пребывая — вниз темный сходит.

19. Если деятеля иного,
кроме гун этих, видеть не будешь,
если знаешь Того, Кто их выше, —
ты в Мое придешь состоянье.

20. Когда этой пракрити гуны
воплощенный преодолевает,
он, от скорби рожденья и смерти
став свободен, вкушает бессмертье.

Арджуна сказал:
21. Что за признаки здесь, Владыка,
мужа, ставшего выше, чем гуны?
Как ведет он себя? И как он
эти гуны в себе побеждает?

Благой Господь сказал:
22. Знанья все, также дел совершенье,
ослепленье даже, сын Панду,
повстречав — кто не отвратится,
потеряв же — кто не пожалеет,

23. кто сидит, точно равнодушный,
тремя гунами не поколеблен,
«Гуны вертятся в гунах» — так мысля,
пребывает кто без потрясений,

24. ровный к золоту, глине и камню,
мудрый, ровный к немилым и милым,
в горе — радости невозмутимый,
одинаков к хвале и к брани,

25. кто к бесчестью и к чести ровен,
к другу — недругу одинаков,
оставляющий все начинанья —
тот и есть «превзошедший гуны».

26. Кто Меня, Партха, йогой бхакти
неуклонно всегда почитает —
тот способен с Брахманом слиться,
ибо гуны он все превосходит.

27. Ибо Брахман этот бессмертный
и нетленный — на Мне основан;
Я — основа предвечной дхармы.
Лишь во Мне — совершенная радость.

Глава 15

Благой Господь сказал:
1. Говорят, у ашваттхи бессмертной
корни кверху растут, ветви — книзу,
ее листья — ведийские гимны,
кто так знает ее — знаток Веды.

2. Гунами крепкие, множатся ветви
вверх, также вниз; чувств объекты — побеги.
Корни иные вниз протянулись,
кармой людей оплетая в мире.

3. Облик ашваттхи, опора, начало,
также конец — в мире непостижимы;
твердым мечом отрешенья кто срубит
дерево это с разросшимся корнем, —

4. пусть он дорогу отыщет, с которой
не возвращается путник в сансару;
скажет: «Пришел я к Пуруше, к началу,
что порождает поток проявлений».

5. Узы греха, ослепленье, гордыню,
двойственность радости — боли оставив,
мыслью бесстрастной в себе пребывая,
к вечной он пусть направляется цели.

6. Солнца луч Его не достигнет,
ни огонь там, ни месяц не светят,
кто ушел туда — не возвратится;
то Мой, Партха, приют высочайший.

7. Меня, вечного, лишь частица,
в мире тварей ставшая дживой,
к себе чувства влечет и манас,
пребывающие в природе.

8. Когда джива в тело вступает
и когда его оставляет,
он уносит чувства и манас,
словно ветер — цветов ароматы.

9. Обонянием, слухом, зреньем,
осязаньем и чувством вкуса,
также манасом управляя,

погружается джива в предметы.

10. Как он здесь пребывает, уходит,
связан с Гунами, как ощущает —
видят мудрые оком знанья;
ослепленные не различают.

11. Обуздав себя йогой, аскеты
его сущим в себе созерцают;
но подвижник, душой нетвердый,
неразумный, его не видит.

12. Этот свет, что сияет в солнце,
освещая вселенную, Партха,
также свет, что ты в месяце видишь
иль в огне, — то Мое, знай, сиянье.

13. Земли тело собою проникнув,
на себе все живое несу я;
Я питаю лесные растенья,
Сомой став, средоточием соков.

14. Становясь в существах вайшванарой,
я в дыхании верхнем и нижнем
четырех разновидностей пищу
перевариваю неустанно.

15. В каждом я сердце живу; от Меня лишь
память, познанье, конец заблужденья;
лишь обо Мне наставляют все Веды;
Вед Я знаток, Я — начало Веданты.

16. В мире два существуют пуруши:
один смертен, другой вне смерти;
первый — это все твари, Партха;
«неизменным» зовут второго.

17. Но над ними есть Высший Пуруша,
именуют Его — Высший Атман.
Он, нетленный, три мира проникнув,
их несет на себе, Владыка.

18. Выше Я, чем бессмертный Пуруша;
также смертного Я превосходней.
Потому — средь людей и в Ведах
Я как Высший Пуруша прославлен.

19. Кто лишен ослепленья, знает,
что Я есмь Высочайший Пуруша, —
тот, всеведущий, всею душою
почитает меня, Арджуна.

20. Я сегодня тебе, безупречный,
высочайшую тайну поведал.
О, как мудр, кто ее постигает!
Он свершил свою дхарму в мире.

Глава 16

Благой Господь сказал:
1. Чистота гуны саттва, бесстрашье,
пребывание в йоге знанья,
щедрость, жертва, умеренность, тапас,
прямота, повторение Веды,

2. неврежденье, правдивость, безгневность,
краткость речи, покой, отрешенность,
к тварям доброе сердце, нежадность,
кротость, несуетливость, стыдливость,

3. чистота, сила, твердость, терпенье,
дружелюбие, негорделивость —
кто рожден для божественной доли,
эти качества соединяет.

4. Лицемерье, заносчивость, наглость,
в сочетании с грубостью злоба,
заблужденье — все это бывает
у рожденного к доле асуров.

5. Участь первых — освобожденье,
у асуров же участь — узы;
не скорби, ибо ты родился
для божественной доли, сын Панду.

6. Две природы существ бывают
в этом мире — богов и асуров;
Я о первой сказал подробно,
теперь, Партха, услышь про другую.

7. Ни деяний, ни воздержанья
люди-демоны смысла не знают;
не бывает ни чистоты в них,
ни правдивости, ни добронравья.

8. Этот мир, они мнят, нереален,
нет опоры в нем, нет и владыки,
нет согласья частей в природе;
где ж причина его? — «Только похоть».

9. Люд безумный, душою погибший,
утвердившись в таком лжеученье,
копит силы для целей преступных,

ради гибели мира стараясь.

10. Ненасытных полны желаний,
лицемерны, горды они, наглы,
слепы к правде, в погоне за мнимым
домогаются целей нечистых.

11. Суете безграничной отдавшись,
что затихнет лишь с гибелью мира,
они похоть стремятся насытить,
«Только это и есть» — полагая.

12. В сотне тщетных надежд увязнув,
пребывая всегда в страсти, в злобе,
они жаждут богатств накопленья,
своим низким чувствам отдавшись.

13. «Мне сегодня досталось вот это,
завтра — то утолю желанье;
накопил я уже немало,
и еще мне богатства прибудет.

14. Этот враг уже мной уничтожен,
и другого убью непременно;
как я властвую, как наслаждаюсь,
как я счастлив, силен, удачлив!

15. Я богат! Я высок рожденьем!
Кто еще здесь со мной сравнится?
Жертвы жертвуя, стану я славен!» —
восклицают безумцы хором.

16. Заблудившись во множестве мыслей,
слепотой себя спутав, как сетью,
привязавшись к страстей усладам,
эта нечисть в ад ниспадает.

17. Те, кто спеси полны, упрямства,
самомненья, гордыни богатством,
лицемерны — не по предписаньям
они жертвы приносят, для формы.

18. Преисполнены себялюбья,
грубой силы, нечистой страсти,
эти люди Меня ненавидят
и в себе, и в телах всех тварей.

19. Ненавистников этих жестоких,
этих низких людей, злодеев
Я бросаю в круговращенье
из одних лон асуров в другие.

20. Возрождаясь в утробах асуров,
все сильней и сильней ослепляясь,
они к низкой движутся цели,
никогда Меня не достигая.

21. В ад приводят врата тройные:
вожделение, злоба, жадность;
погубить они душу способны —
пусть же всякий их избегает!

22. Отвратившись от этих пороков,
от ворот в область тьмы ведущих,
человек, для души своей благо
обретая, идет к высшей цели.

23. Кто, отбросив шастр предписанья,
существует лишь ради желаний,
совершенства тот не достигнет,
высший путь он утратит и радость.

24. Потому — все свои поступки
совершай сообразно шастрам
и, узнав, каковы предписанья,
свое дело исполни в мире.

Глава 17

Арджуна сказал:
1. Те, кто жертву приносят с верой,
но не так, как предписано в шастрах, —
какова у них, Кришна, основа:
гуна саттва? иль раджас? иль тамас?

Благой Господь сказал:
2. Троевидна у воплощенных
вера, их рождена природой:
в светлой — саттва преобладает,
в страстной — раджас, а в темной — тамас.

3. О сын Бхараты! Вера тварей
сообразна их внутренней сути;
человек состоит из веры:
какова его вера — таков он.

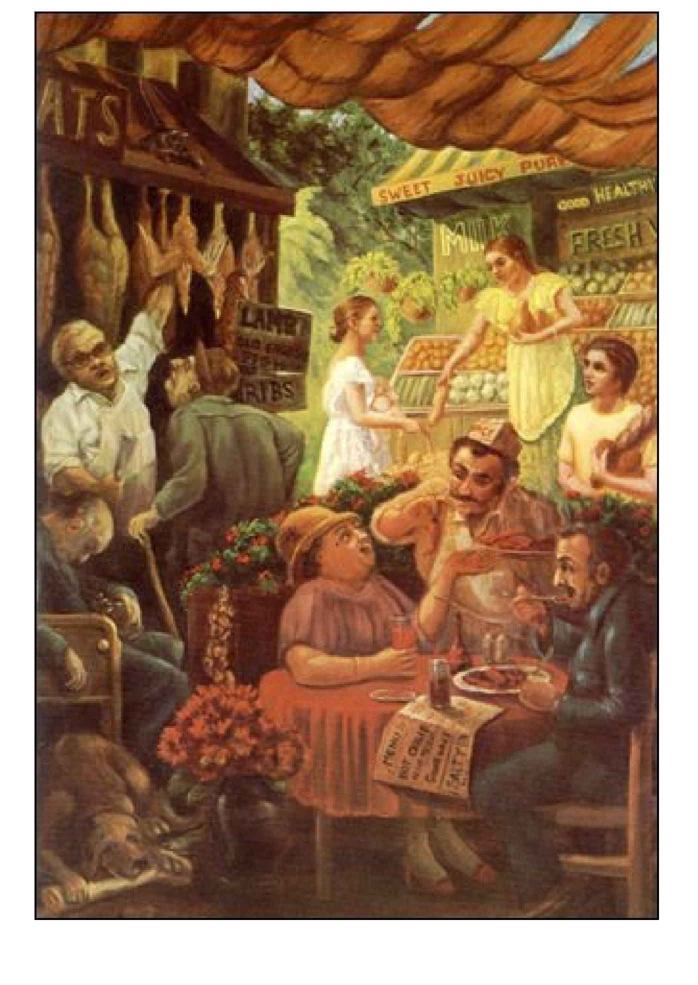
4. Люди саттвы — богам несут жертвы,
люди раджаса — демонам, якшам;
упырей, привидений гнусных
люди тамаса чтут приношеньем.

5. Если люди тапас жестокий
совершают, шастрам противный,
лицемерия полные, страсти,
грубой похоти, самости, силы;

6. если мучают голодом тщетно
всю толпу элементов телесных
и Меня в этом смертном теле, —
знай, асуры им так внушают.

7. Также пища, что людям по вкусу,
троевидной, Партха, бывает,
также — жертва, дары и тапас:
Я их виды скажу тебе кратко.

8. Людям саттвы нравится пища,
что сочна, сытна, масляниста:
от нее в существах — долголетье,
сила, ясность, здоровье, радость.

9. С солью, горькая, кислая, жгучая,
слишком острая, грубая пища
по душе людям раджаса, Партха:
скорбь, болезни она рождает.

10. Пища черствая, вкус потерявшая,
пища с запахом, Партха, гнилая,
также все, что нечисто, объедки —
вот что нравится тамаса людям.

11. Если жертвуют по предписаньям,
со вниманьем, плодов не желая,
с одной мыслью: «Жертвовать должно» —
эта жертва бывает саттвичной.

12. Для плодов если жертвуют, Партха,
либо лишь напоказ, лицемерно, —
бык из Бхаратов! — эта жертва
преисполнена гуны раджас.

13. Без раздачи еды, без молений,
не по шастрам, жрецам без награды,
при отсутствии веры — жертва
изобилует тамасом, Партха.

14. Чистота, прямота, почитанье
богов, брахманов, старцев, гуру;
целомудрие и невреждение
именуются тапасом тела.

15. Речь приятная, добрая, Партха,
необидная, полная правды,
постоянное Вед повторенье
именуются тапасом речи.

16. Ясность сердца, ко всем дружелюбье,
очищенье душевной природы,
молчаливость, себя обузданье
именуются тапасом сердца.

17. Если йогин, плодов не желая,
совершает с великой верой
этот тапас во всех трех видах —
его тапас исполнен саттвы.

18. Ради славы людской, почета
если тапас свершен лицемерно —
это раджасный, страстный тапас:
легковесен он, Партха, непрочен.

19. В заблужденье, себе на муку,
либо чтоб навредить другому
совершаемый тапас, сын Притхи,
именуется тамасным, «темным».

20. Дар, что вовремя, бескорыстно,
в должном месте, тому, кто достоин,
дарят с мыслью: «Дарить подобает», —
именуется даром саттвичным.

21. Если ж ради ответного дара
дарят, либо даренье опасно,
либо жаждой плода влекомо, —
это раджасный дар, сын Притхи.

22. Если дар предлагают не к месту
и не вовремя, не кому надо,
непочтительно иль с презреньем —
этот дар именуется «темным».

23. ОМ, ТАТ, САТ — этим словом трояким

именуют Брахмана в Ведах:
были созданы Им в начале
Веды, брахманы, также жертвы.

24. Потому — дар, и жертва, и тапас
открываются произнесеньем
слова ОМ; так предписано, Партха,
тем, кто к Брахману речь устремляет.

25. Словом ТАТ — дела тапаса, жертвы,
многовидные также даренья
совершает, плодов не желая,
кто стремится к освобожденью.

26. То, что есть, также то, что благо, —
словом САТ именуются оба;
также к делу похвальному, Партха,
это слово всегда применимо.

27. Словом САТ — постоянство и прочность
в жертве, в тапасе, в даре зовется;
словом САТ, или СУТЬ, называют
все дела, что ведут к этим целям.

28. Всякий дар, всякий тапас и жертву,
совершаемые без веры,
называют АСАТ, или НЕСУТЬ:
нет в них пользы ни здесь, ни по смерти.

Глава 18

Арджуна сказал:
1. Мне б хотелось, Могучерукий,
отрешенности суть постигнуть;
вместе с этим, о Хришикеша,
расскажи мне об отреченье.

Благой Господь сказал:
2. В прекращении действий страстных
отрешенность видят провидцы;
оставленье плодов всех действий
мудрецы зовут отреченьем.

3. Прекратить подобает все действия
как греховные — думают многие;
приношение жертв, дары, тапас
оставлять, мнят иные, не должно.

4. Ныне слушай, из Бхаратов лучший,
что скажу тебе об отреченье,
ибо, тигр посреди героев,
оно здесь трех видов бывает.

5. Жертв свершенье, дары, также тапас
оставлять не следует, Партха,
ибо тапас, дары и жертвы
очищенью способствуют мудрых.

6. Обо всех этих действиях, Партха,
вот Мое высочайшее слово:
совершай их всегда, Арджуна,
оставляя плодов желанье.

7. Ведь от действий, предписанных в шастрах,
отрешенности быть не может;
отреченье от них безумно:
его тамас рождает темный.

8. Кто от страха деянье бросит,
от телесной ли боли, иль скорби —
гуны раджас тот побужденьем
отреченье бесплодное выбрал.

9. Кто предписанные деянья
совершает с мыслью о долге

и плодов желаньем не связан —
отреченье того саттвично.

10. Мир покинув, саттвы исполнен,
муж разумный, лишенный сомнений,
действий вредных не ненавидит,
и к полезным он не привязан.

11. Ведь деянья совсем оставить
ты не можешь, пока ты в мире;
но кто действий плоды покидает,
именуется тот отреченным.

12. После смерти — деяний троякий
плод у неотреченных бывает:
нежеланный, желанный и средний;
нет плода лишь у отреченных.

13. А теперь, о могучерукий,
ты узнай о пяти причинах;
вот как сказано это в санкхье
ради действий успеха, сын Притхи.

14. Действий деятель, также основа,
инструменты различные, Партха,
и движения разные тела,
и судьба, что считается пятой:

15. эти пять суть причины всех действий —
будь то праведных иль безрассудных, —
всех, что здесь человек совершает
своим телом, речью иль мыслью.

16. Кто, не ведая этих, атмана
полагает всех действий причиной,
тот своей помраченной мыслью
суть познать никогда не сможет.

17. Тот, чья мысль никогда не грязнится,
чья природа вне самости, Партха, —
он, всех этих бойцов убивая,
не убийца; ничем он не связан.

18. Троечастна действий причина:
предмет знания, знающий, знанье;
и основа дел троечастна:
инструмент, дела деятель, дело.

19. Тот, кто действует, знанье и дело,
соответствуя гунам, трояки —
так гласит «рассужденье о гунах»;
Я тебе их поведаю сущность.

20. Знанье, видит которое в тварях
неизменной единую сущность,
нераздельную в разделенных, —
это, Партха, саттвичное знанье.

21. Если знание порознь видит
всякий раз особую сущность
в существах этих многоразличных —
это знанье от раджаса, Партха.

22. Но то знанье, что к вещи отдельной
привязалось, в ней всё полагая,
без причины, без смысла, пустое —
это «темное», Партха, знанье.

23. Совершаемое ради долга,
любви — ненависти непричастно,
без привязанности к результатам —
это действие «светлым» зовется.

24. Если ищешь того, что желанно,
если действием движет самость,
если много усилий тратишь —
это действие будет «страстным».

25. Коль предпринято в заблужденье,
равнодушно к последствиям, Партха,
иль к запрету, вреду, убыткам —
дело то именуется «темным».

26. Непривязанный, самости чуждый,
в делах твердый, решимости полный,
в неудаче, в удаче ровный —
кто так действует, тот саттвичен.

27. Страстный, жадный, душою хищный,
лишь плода вожделеющий действий,
полный радости — скорби, нечистый —
это деятель раджасный, Партха.

28. Необузданный, грубый, злобный,

полный хитрости, косный, коварный,
духом мрачный, всегда ленивый —
этот деятель тамасом движим.

29. Постоянство бывает трехвидным,
также мысль — сообразно гунам;
Я их формы тебе без остатка
перечислю: слушай, Арджуна.

30. Кто недолжное — должное знает,
смелость — страх, недеянье — деянье,
также скованность — освобожденье —
мысль того пребывает в саттве.

31. Мысль, которая не различает,
где закон, а где беззаконье,
в чем недолжного — должного разность, —
эта мысль полна раджасом, Партха.

32. Если ж мысль помрачается тьмою,
если знанье она извращает,
если чтит беззаконье как дхарму —
эта мысль именуется «темной».

33. Если чувства, и праны, и манас
укрепляются в постоянстве,
а оно пребывает в йоге —
постоянство считается «светлым».

34. То к любви, то к закону, то к пользе
устремляется коль постоянство,
мыслью связано о результате, —
постоянство такое «страстно».

35. Постоянство, с которым безумцы
вновь и вновь устремляются к страху,
к скорби, лени, тоске, опьяненью,
именуется, Партха, «тёмным».

36. А теперь Я скажу про радость,
она тоже трех видов бывает;
после долгих усилий приходит
радость, с нею — конец всякой скорби.

37. Та, что яду подобна в начале,
а в конце сладка, точно нектар,
рождена ясной мыслью и духом, —

радость эта считается «светлой».

38. Порожденная чувственным миром,
если радость в начале как нектар,
а в исходе подобна яду, —
эта радость считается «страстной».

39. Если ж радостью и в начале
и в конце ослепляется атман,
коль причины ее — сон, вялость
и небрежность, — «темна» эта радость.

40. Ни на этой земле обширной,
ни среди всех богов на небе
нет существ, что были б свободны
от трех гун, порожденных природой.

41. Как у брахмана, так и у вайшьи,
как у кшатрия, так и у шудры —
естеством рожденные гуны
все их действия определяют.

42. Чистота, успокоенность, тапас,
обузданье, терпенье, нелживость,
вера, знанье, житейская мудрость —
вот достоинства брахманов, Партха.

43. Сила, твердость, смекалка, доблесть,
неспособность в бою к отступленью,
прирожденная щедрость, властность —
это признаки кшатриев, Партха.

44. Земледелие и торговля,
разведенье скота — вайшьи дело.
Все, что связано с услуженьем,
то природе шудр подобает.

45. Достигает успеха быстро
человек, своей кармой довольный;
как удача к нему приходит
в его действиях, слушай об этом.

46. Человек успех обретает,
своим делом Того почитая,
Кем все это пронизано, Партха,
от Кого существа происходят.

47. Даже полный успех в чужой дхарме
бесполезен — к своей устремляйся!
Естества исполняя законы,
человек себя не пятнает.

48. Оставлять этих действий не надо,
даже если они не безгрешны:
ведь людей начинанья грехами,
точно дымом огонь, покрыты.

49. Ни к чему не привязанный мыслью,
победивший себя, без желаний,
отрешенностью и недеяньем
человек совершенства достигнет.

50. Я скажу тебе кратко, сын Притхи,
как затем, обретя совершенство,
люди Брахмана достигают:
это высшая цель йоги знанья.

51. Чистой мыслью себя обуздавший,
твердо сам себя подчинивший,
от вещей отрешившись внешних,
к любви — ненависти равнодушен,

52. сдержан в пище, укромно живущий,
победив тело, слово и манас,
в созерцании сосредоточен
и в бесстрастье всегда пребывая,

53. от имущества, похоти, гнева,
себялюбья освободившись,
успокоен, «мое» позабывший —
к встрече с Брахманом он способен.

54. Ставший Брахманом, ясный душою,
не скорбит он, не вожделеет;
кто ко всем существам одинаков,
тот достигнет Моей высшей бхакти.

55. Силой бхакти Меня он познает —
кто Я есмь и каков по сути,
а затем, суть Мою изведав,
он в Мое бытие погрузится.

56. Даже действия все свершая,
кто всегда так во Мне обитает —

вечносущей, нетленной цели
тот достигнет Моей благодатью.

57. Устремившись ко Мне, все деянья
возложив на Меня силой мысли,
в созерцанье всегда пребывая,
всем сознаньем в Меня погружайся.

58. Мыслью сущий во Мне — превосходит
Моей милостью эти три гуны;
непременно погибнет, сын Притхи,
кто себя ослепил самомненьем.

59. Если ты, погрузившись в самость,
помышляешь: «Не буду сражаться!» —
тебя, Партха, природа заставит,
ибо ложно твое решенье.

60. Своей собственной кармой скован,
естеством порожденной, сын Кунти,
ты свершишь, даже против воли,
то, что делать, безумный, не хочешь.

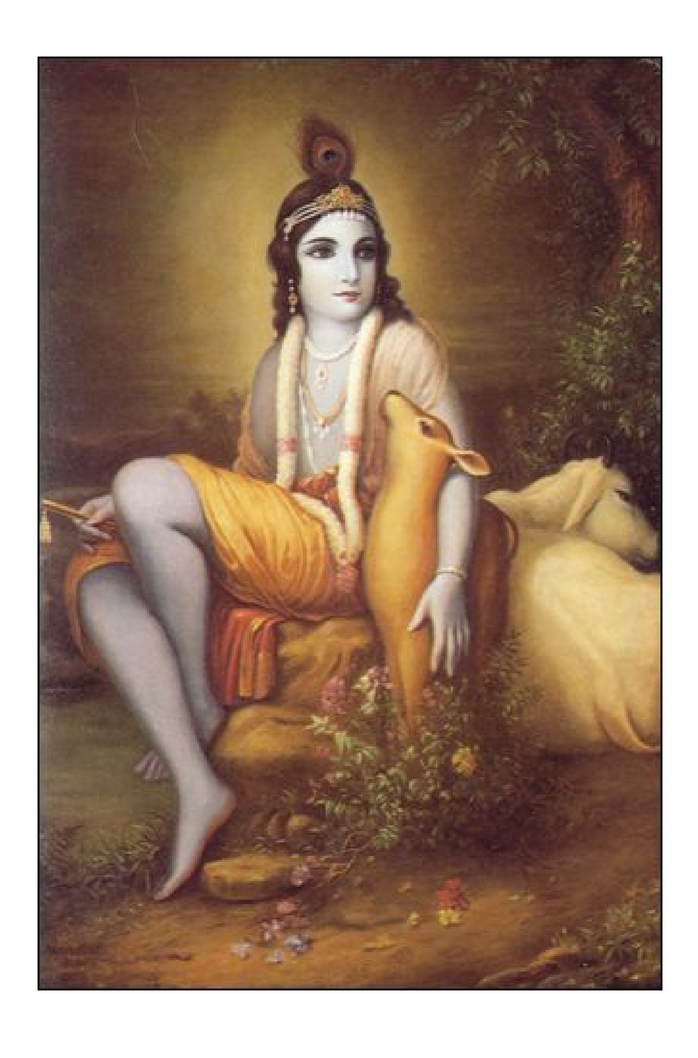
61. В сердце всех существ пребывает
их опора — великий Владыка;
Он вращает их майей своею,
как колеса в послушной машине.

62. Только в Нем ищи утешенья
всей душою своей, сын Кунти:
Его милостью ты достигнешь
высшей цели, умиротворенья.

63. Партха! Ныне ты знаешь то знанье,
что таинственней тайн сокрытых;
так обдумай его всесторонне,
а затем поступай, как желаешь!

64. Ныне — слушай Высшее Слово!
Вот Моя запредельная тайна!
Я тебе передам это благо,
ибо ты — Мой избранник любимый.

65. Бхакт Мой! Будь лишь во Мне всем сердцем!
Жертвуй Мне! Только Мне поклоняйся!
Так ко Мне ты придешь, Мой любимый,
Я тебе обещаю неложно.

66. Невзирая на прочие дхармы,
лишь ко Мне иди за спасеньем!
Не скорби: Я тебя избавлю
от грехов твоих, всех без остатка.

67. Это слово Мое ты не скажешь
никогда никому — кто не бхакт Мой,
но лишь тем, кто Меня не злословят,
лишь подвижникам, лишь послушным.

68. Кто же эту великую тайну
сообщит Моим бхактам верным —
тот, почтив Меня этой любовью,
без сомненья, Меня достигнет.

69. Средь людей нет такого, кто мог бы
угодить Мне больше, чем этот:
на земле и не будет иного,
кто бы Мне был, Арджуна, дороже.

70. И когда человек повторяет

этот наш разговор о дхарме —
жертву знаньем он Мне приносит:
таково Мое, Партха, решенье.

71. И кто станет внимать этой дхарме,
полный веры, злословью чуждый, —
тот достигнет освобожденья
и миров людей благой кармы.

72. Так постиг ли ты Мое слово
напряженьем вниманья, Партха?
Отвратился ли от ослепленья,
порожденного жалким незнаньем?

Арджуна сказал:
73. С ослепленьем покончено, Вечный!
Твоей милостью разум вернулся!
Все сомненья исчезли. Тверд я.
Я готов свершить Твое слово.

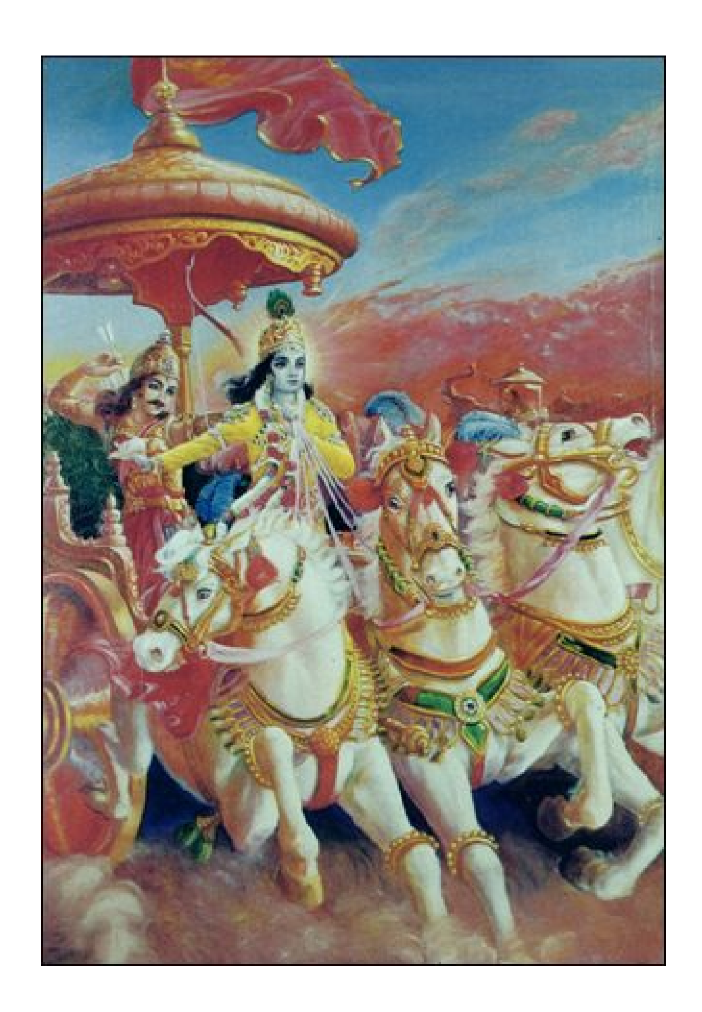
Санджая сказал:
74. Так услышал я сына Притхи
с Васудэвы сыном великим
разговор этот необычайный,
вызывающий в теле трепет.

75. Эту высшую тайную йогу
я услышал по милости Вьясы
от Владыки йоги, от Кришны,
когда Он произнес ее Партхе.

76. Вновь и вновь я душой ликую,
вспоминая, о царь, постоянно
разговор небывалый этот,
благодатный, Кешавы с Арджуной.

77. Также облик тот дивный Кришны
непрерывно в уме представляя,
радость высшую я ощущаю,
нет конца моему изумленью.

78. Там, где Кришна, Владыка йоги,
где великий Лучник, сын Притхи,
там победа, счастье, удача,
в делах праведность — так я знаю.

ПРИМЕЧАНИЯ *

1.2: царь Дурьодхана обращается с речью к своему (а также Пандавов) учителю Дроне.

1.3: армию Пандавов построил к бою Дхриштадь юмна, также ученик Дроны.

1.10: букв. «Недостаточна та наша армия, хранимая Бхишмой, но достаточна эта армия этих, хранимая Бхимой». Такие слова в устах Дурьодханы, известного хвастуна и фанфарона, — который к тому же прекрасно знает, что его армия численно намного превосходит армию Пандавов, — кажутся лишенными смысла. Некоторые переводчики предлагают поэтому (вслед за Т.Бенфеем) передавать слово apary-aptam- «недостаточная [армия]» словом противоположного смысла — «безграничная» (и соответственно paryaptam во второй половине шлоки как «ограниченная»); однако такой смысл глагола pari + V ap невозможно подтвердить ни единым примером из других текстов. Из множества других попыток разрешить возникающую здесь трудность наиболее остроумной мне представляется идея Ведантадешики, который обращает внимание на странное употребление Дурьодханой указательных местоимений: о близком предмете («наша армия») говорится «та» (т. е. «далекая»), тогда как о далеком (армия противника, «хранимая Бхимой»), — соответственно «эта» (т. е. «близкая»). Это дает комментатору возможность, пользуясь законом свободного словорасположения в санскрите, переорганизовать шлоку так, что прилагательное «недостаточная» оказывается определением армии Пандавов, а «достаточная» — соответственно Кауравов. Для чего же вождь Кауравов прибегает к столь странному синтаксису? Для того, говорит Ведантадешика, чтобы скрыть свою робость и замешательство накануне битвы, а главное — свое недоверие к полководцу Кауравов — благородному Бхишме. Дурьодхана боится, как бы он не пожалел врага, тем более что и сам царь, и все его присные хорошо знают, что знаменитый своей жестокостью Бхима их, уж во всяком случае, жалеть не будет (отсюда и противопоставление в одной шлоке этих двух имен).

1.11: говоря об «охране Бхишмы», коварный Дурьодхана опять имеет в виду свое: надо следить, шпионить за Бхишмой, как бы он не стал помогать Пандавам.

1.39–45: в этих стихах Арджуна пытается обосновать свой отказ от битвы «теоретически» (ссылкой на шрути). Ср. оценку его слов Кришной: 2.11.

2.39: наставление в йоге начинается не сразу после этой шлоки, а лишь с 2.48; ему предшествует краткая филиппика против ведийских «старообрядцев»: 2.41–45.

2.46: этот стих восстанавливает равновесие по отношению к Ведам: они уподоблены «изобильно текущему водой» колодцу, из которого разумный человек берет столько воды, сколько ему нужно. Ценность «воды» (т. е. учения Веды) сомнению, конечно, не подвергается.

2.55–61: образ «подвижника, стойкого в мудрости», композиционно очень важен. Будучи антиподом образа Арджуны (1.26—2.9) в завязке поэмы, он служит конкретным отрицанием, «снятием» этого последнего. «Стойкость в мудрости» — это первое в Гите упоминание о длящемся знании, знании — состоянии.

2.72: редкое (за пределами буддийских текстов) употребление термина нирвана, который

здесь можно перевести как «угасание мира» в Брахмане, говорит об определенной близости Гиты к атмосфере духовных поисков раннего буддизма.

3.5: гуны пракрити — это саттва (чистота, безмятежность, ясность), раджас (страстность) и тамас (тьма, тупость, косность); они уже упоминались в связи с полемикой против Вед, см. 2.45; ср. также далее, 3.27–29, 37 и особенно главы 14, 17–18 Гиты, где подробно говорится о гунах.

3.10: корова желаний — мифическое животное, удовлетворяющее любые желания.

3.15: этот трудный стих (который комментаторы и переводчики трактуют по-разному и, на наш взгляд, неубедительно) весь пронизан ритуальными реминисценциями. «Вечный Слог» — это ОМ, которым начинаются и кончаются ведийские жертвенные формулы и гимны. Особая роль этого краткого возгласа связана с тем, что он придает ритуальному слову непрерывность: та или иная формула, заканчиваясь непременно на слоге ОМ, продолжает как бы неслышимо длиться (в некоем потустороннем «пространстве», а также, что не менее важно, в длящемся «состоянии знания» жреца, произносящего формулу, — насколько он к такому знанию способен), с тем чтобы потом, в начале новой формулы, «всплыть на поверхность» в виде вступительного произнесения слога ОМ. Те заклинания и молитвы, которые обладают этим свойством непрерывности, несут в себе особого рода силу — Брахмана, который «рождает», т. е. совершает «священные действия» (см. 3.14), а из них уже состоят отдельные жертвоприношения, «жертвы». В слове «вечно» (nityam) опять подчеркивается качество длительности, непрерывности жертвы: если оно в ней есть — Брахман «установ лен» (т. е. присутствует) в жертве и она успешна, если же нет — нет.

3.41: «знание», «мудрость» (jcanam, vijcanam) — это, с одной стороны, состояние непрерывности знания, «пребывание мыслью в Брахмане» (и т. д.), а с другой — способность принимать разнообразные (этот аспект передает приставка vi-) правильные решения в жизни, опираясь на это состояние.

3.42: «сердце» = санскр. манас, орган мысли и воли; иногда мы передаем это слово по-русски как «ум».

4.1: здесь йога означает «знание», «учение».

4.6: майя в этом стихе не имеет ничего общего с принципом космической иллюзии позднейшей веданты; Бхагаван здесь говорит о своей творческой силе.

4.8: юга — мировой период, космические день и ночь (продолжается от 2200 до 8800 земных лет).

4.25–32: вероятно; во всех этих стихах под словом «жертва», санскр. яджня («принесение в огонь», «превращение в пепел» и т. д.), имеются в виду разные типы йоги, аскетической тренировки, способности прекращать (= «сжигать») те или иные функции тела или психики. Цель — превращение «действий» (т. е. такого рода упражнений) в «знание» (4.33), т. е. в состояние знания, в непрерыв ность знания. Скорее всего это и есть то «достижение Брахмана», о котором идет речь в стихе 4.24. См. также 4.35–37.

4.42: авидья — состояние обычного профанического сознания, не овладевшего длящимся знанием.

5.1: под словом карма-йога, «йога действия», в Гите обычно понимают совершение повседневных действий без стремления к плоду. Все же точнее было бы сказать на основании учения гл. 4, что карма-йога в Гите — это прежде всего исполнение жертвенных, ритуальных действий (таких, как, например, домашние обряды) в виде почитания Бхагавана, без мысли о плоде. «Прекращение действий» — медитативная тренировка, основан ная на отличении атмана от всего, что не есть атман; такая практика, видимо, подразумевала перечисление («счет») категорий внешнего мира (= природы, пракрити), сопровождавшееся опознанием их отличия от атмана — в шлоках 4–5 это перечисление называется словом санкхья (которым позднее стала именоваться известная школа брахманической философии).

5.10: Брахман в данном стихе — это одно из обозначений природы (пракрити), см. также 14.3. Считалось, что активна лишь природа, тогда как атман лишь созерцает ее деятельность. «Возложив все деянья» на природу, человек видел себя недействующим, т. е. уподоблял себя атману, см. также 5.14, 5.16: «это Высшее» = Брахман; «освещает» = делает видимым, сияющим. Речь идет о созерцании (в состоянии непрерывного знания) Брахмана как света.

5.17: «к невозвращенью»: за пределы круга рождений и смертей, т. е. сансары, см. также 5.24–26.

5.27–28: начало темы «профессиональной» йоги; подробнее см. 6.10 и сл.

6.1: одна из характеристик карма-йоги — необходимость продолжать совершение ведийских обрядов (не ожидая, однако, от них плодов).

6.11: снизу кладется трава куша, на нее — шкура антилопы, затем — холстина. Эти подстилки имеют символическое значение и унаследованы Гитой (и вообще йогой) от эпохи брахманизма.

6.31: «в единство поверив» — вариант перевода: «прочно утвердившись» в единстве (всех существ с Брахманом и с собою), см. также 6.29–30, 32.

6.38: «оба пути» — путь мирского преуспеяния и путь аскетических подвигов.

6.46–47: в этих стихах не устанавливается никакой объективной градации (аскет — знающий — йогин и т. д.); здесь лишь восхваляются, во-первых, йогин, а во-вторых, бхакт. Далее (7.17–19) аналогично будет прославлен «знающий» (ибо он наилучший бхакт). Все эти состояния, конечно, эквивалентны, ибо ведут к одной цели.

7.6: «эта утроба» — обе природы, упомянутые ранее (т. е. пракрити и джива). 7.17: ср. выше, 6.46–47, и примеч.

7.29—8.4: в этих стихах встречаются следующие термины: адхьятма(н) = то, что относится к индивидуальному атману, к душе человека; адхибхута = то, что относится к миру существ и к материальному миру; адхидайва = то, что относит ся к божественной природе; адхияджня = то,

что относится к жертве. Последние три термина присутствуют в шлоке 7.30.

8.17: здесь слово юга обозначает так называемую махаюгу — великий мировой период, который обычно исчисляется в 4 320 000 лет. Существуют, впрочем, иные подсчеты — см., например, комментарий к этому стиху в традиции бхакти-веданта.

8.24–26: здесь излагается древнее учение о «пути богов» и «пути предков»; см. подробный анализ всего относящегося сюда материала в моей работе (1981, с. 71–96 и 132–158).

9.1: «знание и различение» — см. 3.41 и примеч.

9.5: «дивная йога» — то же самое, что майя (см. 4.6; 7.14, 15, 25; 18.61), творческая сила материальной природы, действующая непостижимым для смертных образом.

9.10: «природа» = пракрити (см. 9.7 и др.).

9.16: с этого места начинается «жертва знанием» (см. предыдущий стих), приводящая к явлению вишварупы в гл. 11.

9.20: «знатоки трех Вед» — в этом и следующем стихах описывается участь адептов ведийской религии.

10.7: здесь впервые встречается слово вибхути, которое значит «излияние божественной энергии вовне», «проявление божества в тварном мире» и т. д. См. также 10.16, 19, 40, 41. В части контекстов слово оставлено без перевода.

10.13: Нарада — божественный мудрец, часто изображается (в эпосе и пуранах) как посланец богов к людям; Вьяса — букв, «распределитель», легендарный автор МБх и ряда других текстов; Асита Девала — древний мудрец, по традиции считается автором гимнов РВ 9.5—24.

10.21: адитьи — наименование главных ведийских божеств. Маруты — ведийские божества бури, спутники Индры.

10.23: рудры — букв, «ревуны», один из классов ведийских божеств во главе с Шивой; ракшасы — мифические существа наподобие вампиров; якши — полубоги во главе с Куберой, владыкой богатства; васу — класс ведийских божеств, первоначально связанных с Индрой: согласно одному из списков, это огонь, земля, ветер, воздушное пространство, солнце, небо, луна и звезды; Меру — гигантская гора, расположенная в центре мира.

10.24: Брихаспати — домашний жрец богов; Сканда (Кумара, Карттикея) — сын Шивы и Парвати, божество войны.

10.25: Бхригу — мифический мудрец, прародитель одного из классов ведийских полубогов, связанных со стихией огня.

10.26: гандхарвы — божественные музыканты; сиддхи — святые, достигшие статуса

небожителей.

10.27: Уччайшравас — конь Индры; Айравата— слон Индры.

10.28: ваджра — перун; Васуки — царь змеев.

10.29: один из главных ведийских богов, Варуна, считался связанным с водами.

10.30: «демоны» — санскр. дайтьи, сверхъесте ственные существа (в ведийской религии), часто восстающие против богов; Гаруда — гигантская птица, носящая на себе бога Вишну.

10.31: «сын Дашаратхи» — Рама; макара — таинственное существо, отождествляемое то с дельфином, то с крокодилом.

10.33: двандва — один из видов сложных слов в санскрите (типа «день — ночь»).

10.34: «слава», «речь» и т. д. — все перечислен ные сущности в подлиннике женского рода.

10.35: брихат-саман — букв, «великий напев», одно из главных песнопений в ходе ведийского ритуала; гаятри — один из ведийских стихотворных размеров (его образуют три восьмисложных строки); этим размером написан стих РВ 3.62.10, считавшийся особо священным; маргаширша — первый (первоначально 10-й) месяц года, соответству ющий ноябрю — декабрю.

10.37: вришнийцы — название рода, к которому принадлежал Кришна; Ушанас — мифический певец, провидец.

11.1: адхьятман = здесь «ты как индивидуальный атман перечисленных Тобою существ».

11.6: перечисляются те классы существ, о которых раньше (10.21–23) было сказано, что Бхагаван представляет лучшего из каждого соответ ствующего класса; а также — что Он есть атман этих существ (11.1). Теперь Арджуна готовится увидеть то, что ранее было названо абстрактно.

11.17: «диск… корона» — обычные атрибуты бога Вишну.

12.12: здесь в самом тексте Гиты имеется непоследовательность, возникающая вследствие того, что действие, стоящее здесь в конце восходящего ряда (упражнение — знание — созерцание — оставление плодов действий), стоит в предыдущем стихе в конце нисходящего ряда (сосредоточение мысли — упражнение — действие ради Меня — оставление плодов всех действий; эта последова тельность начинается в 12.8).

13.1: здесь и далее кшетра (= поле) означает «тело»; кшетраджня (= познающий поле) означает «дух», «воплощенный».

13.7—11: существенно, что в этих стихах описывается не «познающий поле» (можно было бы ожидать — см. 13.2–3), ибо он как абсолютный субъект знания сам непознаваем, и не его

знание (которое, собственно, от него неотделимо), а лишь некоторые характеристики его знания, то, что этому знанию сопутствует. Важно также и то, что среди этих признаков дважды упомянута «непрерывность» (13.9, 11). Все это, видимо, говорит о том, что абсолютный субъект пребывает в состоянии непрерывного (вечного) знания.

14.3: здесь Брахман = «материальная природа», пракрити.

14.5: тема пракрити и ее гун, начинаясь с этой шлоки, продолжается (с перерывами) почти до самого конца поэмы, см. также 3.5 и примеч.

14.11: «входы-выходы» — девять отверстий тела. 15.1–4: интерпретацию образа ашваттхи см. в гл. XV исследования. 15.14: вайшванара — один из видов (жертвенного) огня, обитающего внутри живых существ.

15.15: Веданта — здесь имеются в виду упанишады.

15.16: «неизменный Пуруша» — видимо, совокупность индивидуальных атманов, достигших освобождения.

15.20: «свершил свою дхарму» — букв, «совершивший то, что должен был совершить».

16.1: слово саттва в этом стихе может также означать «внутренняя сущность человека, душа, сердце». Сложное слово джняна-йога может быть воспринято как двандва — в таком случае вторая строка принимает вид: «пребывание в йоге и в знанье».

16.2: «стыдливость» — здесь подразумевается неспособность к совершению дурных поступков.

16.3: «сила» — имеется в виду труднопереводимое слово теджас — внутренняя энергия, которую в Индии воспринимали в образах огня и света (сияния, свечения, жжения и т. д.). Один из комментаторов толкует это слово так: «качество того человека, которого злые люди одолеть не могут».

16.5: асуры — это слово обычно передается по-русски как «демоны» — сверхъестественные существа, выступающие в роли противников богов. «Люди-демоны» (16.6) — это те, которые противятся богам, не выполняют предписаний священных текстов.

16.19: «лона асуров» — имеется в виду рождение от таких женщин, которые не удовлетворяют требованиям религиозной чистоты. От них происходит «асурическое» потомство. Ср. далее, 16.23: «Кто, отбросив шастр предписанья…»

17.4: «демоны» в этом стихе передает санскр. ракшасы — вредоносные духи. «Упыри» = преты, «привиде ния» = бхуты.

17.6: «толпа элементов телесных» — имеются в виду элементы земли, воды и т. д., из которых состоит тело.

17.16: «очищенье душевной природы» (бхава-сам шуддхи) может иметь в виду либо мысли, либо эмоции человека.

17.23: о слоге ОМ см. примеч. к 3.15; ТАТ (по смыслу и этимологически = «то») входит в известную формулу из ЧхУп: тот твам аси («ты еси то»), где это слово обозначает «Брахман»; САТ (по смыслу и этимологически) = «суть», см. далее шлоки 27–28.

18.1: «отрешенность» передает санскр. санньяса, «отречение» — санскр. тьяга. Эти термины практически синонимичны— ср. 18.7.

18.14: «основа» — этим словом здесь обозначено физическое тело, «инструменты» — соответствен но органы чувств. Зафиксированный здесь список «причин действий» принадлежит, видимо, к раннему этапу развития школы санкхья. В классических текстах школы он отсутствует.

18.17: «природа» — санскр. бхава.

18.19: «рассужденье о гунах» (или «перечисление гун») — видимо, название какого-то (несохранившегося) произведения ранней санкхьи.

18.46: «кем все это пронизано» — имеется в виду личное божество (Бхагаван-Кришна), ср. 2.17, где то же выражение применено к безличному Брахману.

18.53: «к встрече с Брахманом» — букв. «стать Брахманом», «превратиться в Брахмана».

18.65–66: эти две шлоки обычно считаются квинтэссенцией Гиты.

18.74: «вызывающий в теле трепет» — букв. «приподымающий волоски на теле».

18.76: «царь» — имеется в виду Дхритараштра, произнесший в Гите один стих (1.1).

18.77: «облик» — видение вишварупы.

*** * ***

* Настоящие примечания рассматривают лишь те реалии и аспекты содержания поэмы, которые остались за рамками анализа в основном тексте монографии (Бхагаватгита. Пер. с санскрита, исслед. и примеч. В.С.Семенцова. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательская фирма «Восточная Литература» РАН, 1999.—256 с. ISBN 5-02-017506-04). Читатель, желающий более подробно углубиться в реалии Гиты, отсылается к этому тексту (см. особенно гл. 11–14), а также к комментирован ным изданиям Гиты, указанным в библиографии. Следует также иметь в виду, что обосновываемый в данной работе функциональный подход к интерпретации памятника не предполагает какой-либо единой, для всех обязательной концепции его смысла. В процессе рецитации текста его значимые реалии объединяются в психике каждого рецитанта именно в такие структуры, которые могут возникнуть внутри данной психики, со всеми ее особенностями. На этом уровне понимание Гиты сугубо индивидуально. Другой уровень понимания,

реализуемый в процессе выработки длящегося, безобъектного знания — состояния, снимает всяческие «индивидуальные особенности» и постольку универсален; однако это понимание не может быть выражено в виде комментария.

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ПАМЯТНИКА

Индийская традиция донесла до нас Бхагавадгиту в составе огромного эпического свода — Махабхараты, — в котором она занимает 25–42 (23–40 крит. изд.) главы Книги о Бхишме — 6-й из 18 книг, составляющих эпос.

Сюжет МБх — это история рождения, воспитания и соперничества двух ветвей царского рода: Кауравов («потомков Куру», ста сыновей царя Дхритараштры во главе со старшим из них — Дурьодханой) и их двоюродных братьев — пятерых Пандавов (сыновей Панду во главе с Юдхиштхи рой). Кауравы воплощают в эпосе злое, демоническое начало, Пандавы — начало светлое, божественное. Отношения между обоими родственными кланами, постепенно отравляемые завистью и злобой Кауравов, особенно обостряются после злосчастных событий во время церемонии помазания на царство Юдхиштхиры, старшего из сыновей Панду. Согласно условиям этого обряда каждый из присутствующих может вызвать будущего царя на любой поединок: отказ с его стороны как проявление слабости невозможен. Пользуясь этим, Кауравы предлагают Юдхиштхире сыграть партию в кости, и вот он, воплощение всех царственных добродетелей, но никуда не годный игрок, проигрывает сначала свое имущество, затем царство, затем братьев, жену и, наконец, самого себя. По требованию благородного Бхишмы, «деда» Кауравов и Пандавов, проигранное возвращается Юдхиштхире; однако его опять вызывают на игру, он опять не может отказаться и опять проигрывает все и вся. Окончательный итог таков: Пандавы должны удалиться в изгнание на 13 лет, после чего царство должно быть им возвращено — при условии, что последний, тринадцатый год они проведут тайно, неузнанными; если же их узнает кто-либо из Кауравов, то царство уходит от них навсегда. Пандавы точно выполняют все условия договора и являются через 13 лет требовать свое царство назад. Кауравы, однако, вероломно им отказывают, и пятеро добрых братьев начинают готовиться к войне. Предпринятые друзьями попытки покончить дело миром, разного рода соглашения и компромиссы кончаются неудачей, и после длительной и тщательной подготовки армии Кауравов и Пандавов встречаются на поле битвы — знаменитой Курукшетре («поле Куру»), сражаются 18 дней и почти полностью истребляют друг друга. Окончательную победу все же одерживают Пандавы; Юдхиштхира воцаряется в столице отвоеванного царства и после долгих лет счастли вого правления умирает вместе с остальными братьями и Драупади, их общей женой. Последняя, восемнадцатая книга эпоса рисует вступление пятерых братьев и Драупади в райские обители.

Во всей этой длинной цепи событий — осложненной к тому же бесчисленными вставными эпизодами дидактического характера: назидательны ми историями, беседами, примерами, наставлени ями, поучениями и т. п. — есть одна точка, в которой противоборство враждебных кланов достига ет наивысшего напряжения. Это именно та минута, когда Кауравы и Пандавы после долгих лет соперничества и обид, ненависти и оскорблений, покушений на жизнь и, наконец, сборов к войне приводят свои громадные армии на поле сражения, выстраивают их в боевом порядке и, перед тем как броситься в битву, замолкают и смотрят друг другу в лицо. В этот момент ужасной тишины и самого неустойчивого из равновесий начинается Бхагавадгита.

Собственно говоря, по форме наша поэма — это религиозно-философское наставление в виде беседы, всего лишь еще один из той массы вставных эпизодов, которыми насыщена МБх; однако он выделяется среди многочисленных философских диалогов эпоса не только

привилегированным композиционным положением — открывая собой главное событие эпоса — битву Кауравов с Пандавами, — но и вполне осознанным драматизмом, т. е. применением действия как одного из полноправных элементов преподаваемого наставления. Ведь было бы только естественно предположить, что автор поэмы, кто б он ни был — одинокий гений или коллективный сказатель наподобие «Гомера», добравшись наконец до своей темы (а его тема, как мы увидим впоследствии, это весьма глубокие и общие идеи о природе дхармы, о познании души и божества, о пути спасения и т. д.), без сожаления абстрагируется от «реальной действительности», дабы воспарить к высотам умозрения. На деле, однако, ничего подобного не происходит: вступив в эпическое повествование в момент его крайней напряженности, автор заботится лишь о том, чтобы эту напряженность по возможности еще более усилить. Кроме слепого царя Дхритараштры, отца Кауравов, которому в тексте принадлежит всего один (вступительный) стих, и его возничего Санджаи, который, будучи наделен волшебным зрением (а также способностью молниеносно передвигаться по воздуху), пересказывает царю все перипетии битвы между его сыновьями и Пандавами (41 стих), в беседе участвуют два человека — Арджуна и Кришна. Первый из них — один из пяти сыновей Панду, самый знаменитый герой среди них, великий лучник; второй — вождь небольшого племени ядавов, друг и дальний родственник Арджуны. Кришна принимает участие в войне как один из союзников Пандавов, а в самой битве — как возничий Арджуны. Однако за скромной видимостью скрывается нечто совершенно иное: Кришна — это величайший (наряду с Рамой) из аватар (аватара — земное воплощение) бога Вишну, спустившегося в человеческую плоть для того, чтобы восстановить пошатнувшуюся дхарму (мировой закон) — путем спасения добрых и наказания злых, т. е. соответственно Пандавов и Кауравов. Кришна не только наставляет Арджуну и, таким образом, в глазах индийской традиции является истинным автором поэмы; он, как опытный режиссер, организует события так, чтобы его учение произвело на ученика максимальный эффект. Для этого он — в ответ на просьбу Арджуны отвести колесницу на удобное для обзора противника место — ставит ее напротив именно того ряда Кауравов, в котором стоят учителя и родственники Арджуны. И когда тот, потрясенный мыслью об убийстве близких людей, с плачем отшвыривает оружие, отказывается участвовать в братоубийственной войне и просит своего возничего наставить его в истинном учении, Кришна, изредка прерываемый новыми вопросами Арджуны, излагает ему то самое учение, которое и составляет содержание остальных (кроме первой) глав поэмы. Общераспрост раненный текст Гиты (так называемая «вульгата»), лежащий в основе большинства комментариев, состоит из 700 стихов (шлок), распределенных по 18 главам. Впоследствии комментаторы разделили текст поэмы на три «шестерки» (шатки), обозначив первую (гл. 1–6) как «раздел о действии» (карма-канда), вторую (гл. 7—12) — «раздел о почитании» (упасана-канда) и третью (гл. 13–18) — «раздел о знании» (джняна-канда). Идея этой классификации принадлежит Ямунача рье (X в.), который составил также полезный конспект содержания Гиты по главам. Каждая из глав поэмы имеет, кроме того, особый колофон, в наикратчайшей форме суммирующий ее основное содержание; так,

первая глава именуется в колофоне «Йога отчаяния Арджуны»; в ней описывается поведение Арджуны и Кришны перед началом битвы; благодаря хитроумному маневру своего возничего Арджуна видит перед собою родичей, учителей и друзей, которых ему предстоит убивать; его охватывает чувство ужаса и отчаяния;

вторая глава, «Йога рассуждения», начинает ся с многократного утверждения неразрушимости, неуничтожаемости души в отличие от тела (которое, напротив, подвержено рождению и смерти); в конце главы дано по просьбе Арджуны описание мудреца («человека,

прочного в знании [атмана]»);

в третьей главе, «Йоге действия», излагаются основы этики Гиты: человеку следует совершать действия, вытекающие из его семейного, религиозного и общественного состояния и долга, абсолютно бескорыстно, т. е. не ожидая от них никакой награды, пользы, «плода»; примером такой бескорыстной деятельности является прежде всего сам Кришна, который, будучи всемогущим божеством и ни в чем не нуждаясь, все-таки воплощается на земле и совершает предписанные шастрами действия, дабы сохранить гармонию и порядок в мире;

четвертая глава имеет обозначение «Йога знания»; большую ее часть занимает учение о символическом ритуале, внутри которого одно из главных мест отводится так называемой «жертве знания» (джняна-яджня);

пятая глава, «Йога отрешенности от действия», настаивает на важности внутренней отрешенности (путь к которой прокладывает карма-йога) и полной бесполезности отрешенности внешней, формальной, не сопровождаемой внутренним усилием;

шестая глава, «Йога активного внимания» (дхьяна-йога), говорит о йоге в техническом смысле слова как о практике сосредоточения внимания, сопровождаемой определенным положением тела, регулировкой дыхания, направления взгляда и т. д.;

седьмая глава, «Йога знания и различения», описывает природу Абсолюта, скрытую от нас гунами (тремя основными компонентами) материальной природы и раскрываемую путем истинного почитания божества; в этой и следующих пяти главах в центре внимания находятся благоговей ная любовь к богу — бхакти и ее многообразные формы;

восьмая глава, «Йога нетленного Брахмана», посвящена вопросам эсхатологии: те, кто в смертный час направляет мысль к Брахману, соединяются с ним; вспоминается старинное учение о «пути богов» и «пути предков»;

девятая глава — «Йога царственного знания и, царственной тайны»; начиная с этой главы Кришна готовит своего ученика к созерцанию своего «Вселенского образа»; ему угодна «жертва знания», состоящая в том, чтобы созерцать Бхагава на везде и всюду;

десятая глава, «Йога излияния божественных сил», — следующий шаг навстречу теофании: Бхагаван отождествляет себя с квинтэссенцией элементов видимого и невидимого мира, начиная с богов и кончая растениями, минералами и даже абстрактными сущностями;

одиннадцатая глава, «Йога созерцания Вселенского образа», — мистическая кульминация поэмы. Кришна являет перед изумленным Арджуной всю вселенную, со всею массой ее разнообразнейших обитателей внутри своего тела; как и в первой главе, теперь он намеренно показывает ученику зрелище, заставляющее его содрогнуться: божество в облике Смерти как всепожирающий огонь Времени, в котором гибнут несметные толпы существ;

двенадцатая глава, «Йога бхакти», говорит о преимуществах почитателей личного божества, т. е. Бхагавана, перед аскетами, устремляющимися к сверхличному Брахману; перечисляются разные виды почитания;

тринадцатая глава, «Йога различения кшетры и Кшетраджни», описывает материальную природу с ее триадой «качеств», или гун, а также познающего ее индивидуального атмана или Духа (Пурушу);

четырнадцатая глава, «Йога различения трех гун», говорит о возрастании и убывании каждой из трех гун в различных состояниях одушевленных и неодушевленных тел, а также о превосходстве над двумя прочими гуны саттва («ясность», «бесстрастие»);

пятнадцатая глава, «Йога высочайшего Пуруши», рисует колоссальный образ «мирового дерева» — ашваттхи (индийской смоковницы), который в символической форме суммирует учение о материальной природе и ее гунах; в конце главы Бхагаван выступает как Пурушоттама («Высочайший Пуруша»), возвышающийся над «гибнущим» (т. е. трансмигрирующим) и «негибнущим» (т. е. освободившимся от уз сансары) Пурушами;

шестнадцатая глава, «Йога различения божественной и демонической участи», содержит описание разных проявлений того и другого класса существ;

семнадцатая глава, «Йога различения трех видов веры», классифицирует типы религиозного почитания и подвижничества с точки зрения трех гун; наконец,

глава восемнадцатая, «Йога освобождения и отрешенности», продолжает предыдущую классификацию и завершает поэму прославлением безраздельной бхакти.

В самом конце беседы Кришна спрашивает своего ученика, понял ли он его наставление, или он все еще в заблуждении, — после чего Арджуна заверяет своего возничего, что заблуждений и сомнений больше нет: он готов выполнить свой варновый долг — сражаться и убивать, не беспокоясь о «плодах» и пользе.

Примерно такое — разумеется, гораздо более детализированное — впечатление остается у «свежего» читателя после первого, не обремененного никакими историческими, филологическими и философскими выкладками чтения поэмы. Он замечает довольно быстро, что стиль Гиты весьма прост, многие стихи удивительно удачны и как бы сами ложатся в память; выразительный лаконизм, афористичность стиха временами заставля ют подумать, что перед тобой собрание изречений. Вместе с тем современный читатель не может не насторожиться темнотою и загадочностью и отдельных слов (таких, например, как йога), и отдельных стихов, и отдельных учений, и, наконец, со вздохом закрывая книгу, всего текста в целом. Надо сказать, что эти ощущения — как первые, так и последующие — вполне оправданы: излагая простым языком весьма непростые идеи, Гита принадлежит к тем текстам, чей перевод на современный язык составляет лишь малую часть работы, которую приходится проделать, чтобы пробиться к их пониманию. Видимо, загадочность поэмы хорошо была заметна и самим индийцам: за шесть-восемь столетий (начиная примерно с IX в., которым можно обозначить начало ее всеиндийской популярности) вокруг нее успело накопиться больше 50 комментариев, написанных, как правило, величайшими философами своего времени; однако споры о поэме не прекращаются в Индии до сих пор.